

ПОЛЪРЪНЪ

СРЕТЛАНА ЯРУЗОВА

АРЬЯНА
ВАЗДЖО

ДРЕВНИХ

том I ГАНДХАРВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Светлана Ярузова
Полдень древних. Гандхарв

«Автор»

2025

Ярузова С.

Полдень древних. Гандхарв / С. Ярузова — «Автор», 2025

Роман – мой дебют. Историей и философией, в частности темой Вед, интересуюсь давно. Эта древнейшая философская система предлагает особый способ жизни, позволяющий человеку раскрыться в полную мощь. Получилась утопия. Тот самый Мир полудня, который существовал, оказывается, в прошлом. Как и моя героиня, я – художник. За плечами художественное образование и многолетняя практика графика и живописца. На мой взгляд, творческому человеку легче понять и принять непохожее, даже принципиально иное. Вашему вниманию первый из трех томов Полдня древних - Гандхарв.

© Ярузова С., 2025

© Автор, 2025

Светлана Ярузова

Полдень древних. Гандхарв

О чем эта книга

Многие любят романы про попаданцев. Замечательное легкое чтение. Приключения, новая информация, незамысловатый сюжет. Такова же и моя книга на первый взгляд.

Но не спешите кидать ее в чемодан. Некоторые банальные сюжеты порой играют злую шутку с желающими отдохнуть. Читаешь иной раз про бедствия попаданца Гулливера и понимаешь, что вся соль там между строк. И слишком эта соль тревожит, заставляет задавать себе вечные вопросы, ответа на которые часто и нет: «Кто мы, откуда, куда мы идем?» Какой уж тут отдых...

Замечали, что у многих великих книг очень простой сюжет? Просто ссора, закончившаяся враждой, просто биография талантливого, но несчастливому человека, просто разговор учителя и ученика о вещах вполне житейских... Но в каждом слове присутствует сила, которая несоизмеримо крупнее суетного человеческого ума. И банальный сюжет – уже повод переосмыслить жизнь, с другой точки зрения взглянуть на привычное и знакомое.

У древних подобное чтение называлось итихаса. Сказка, которая, вроде, про неправдоподобные приключения и чудеса, но в ней намек... Другими словами – сакральное знание, поданное так, чтобы было понятно даже недалекому уму.

Яркий пример – Махабхарата. По сути – священное писание, поданное в виде чрезвычайного эмоционального, насыщенного подробностями сюжета. Действие затягивает, заставляет помнить все повороты, не отпускает до самого конца. Магия, своего рода...

Вы удивитесь, но любая талантливая книга – по-своему итихаса. Есть такие, что способны в корне изменить сознание современников. Примеров много, но есть один любопытный признак того, что важная книга родилась, и в соавторы к писателю попросилась сама жизнь. Текст начинает удивлять творца. Вспомним Пушкина: «Представьте, что учудила моя Татьяна, – взяла да и вышла замуж!» Герои живут своей жизнью и указывают автору повороты сюжета. Сами...

Не знаю, что думать, но мой текст удивлял неоднократно. Роман о попаданке оказался утопией. Да, той самой, где описывается общество, отличающееся от настоящего в лучшую сторону. И если антиутопий за последние столетия придумано немало, то за утопию берутся редко. И что прикажете делать, если вдруг она начала получаться? Кто из нас точно знает, что есть благо для человека? Так, чтоб по пунктам описать, как его достигли в некоем обществе?

Воспитанный в рамках конкретной социальной модели, будет неизбежно описывать ее во всех своих творениях. Чтоб изобразить чуждое, пусть даже симпатичное – нужен взгляд со стороны. В результате ничего занимательного в плане утопии создать не удастся. На выходе – либо религиозная брошюра про высокую мораль и чудеса, либо экстремистская прокламация с проклятиями старой общественной системе.

Успешных опытов такого рода есть пара-тройка. Например, Мир полудня, который открыли в своих книгах Иван Ефремов и братья Стругацкие. Выглядит открытие странно. Будто один и тот же социум описывают два человека, каждый из которых замечает нечто свое.

Издателями и читателями понималось, что это отдаленное коммунистическое будущее. Но авторы не ставят себе пропагандистскую цель. Они пишут именно утопию. Мир, где человек может быть счастлив, максимально проявляет в себе человеческое. Это именно размышление, оставляющее вопросы, место для фантазии читателя.

Вглядимся в Мир полудня. Воспитание не отдано на откуп семье, но отчасти делегировано социуму, человек без труда находит себя, отдает жизнь излюбленной, полезной для него деятельности, живет очень долго, обладает не просто крепким здоровьем, но и сверхспособностями, все возрасты понимаются благом. Что такое война общество не знает, но члены его вполне способны за себя постоять. Находят понимание и свое место в общественной гармонии существа всех полов, темпераментов и телесных статусов, даже не люди, а, к примеру, весьма отличные телом братья по разуму с других планет.

Золотой век, другими словами. Золотой век... Но где-то это уже звучало. Что-то похожее упоминалось в древних манускриптах...

«...Любой пол, темперамент и возраст достоин уважения. Для всех найдется место в общественном устройстве. Строить отношения следует на взаимном обязательстве, общественном договоре, где все четыре духовных статуса: жрец, воин, мастер и наблюдатель, понимаются неразделимым единством и равными величинами. Воспитание детей, дабы они явили себя в полную мощь, не должно замыкаться рамками семьи. Стать полноправным членом общины возможно только пройдя испытание, которое включит разумную суть и позволит пользоваться не только благами тела, но и духа...»

Что это? Откуда? Так, согласно Ведам, жили в эпохи, предшествующие Кали-юге. Началась она пять тысяч лет назад и вполне совпадает с началом, так называемого, «исторического времени».

Таким образом, Мир полудня уже существовал? История человечества циклична? И наш виток цивилизации не самый передовой из прошедших? Вопросы...

И все упирается в науку Железного века, уверяющую, что ничего, подтверждающего высокие технологии и передовое общественное устройство пять тысяч лет назад, не найдено.

Все просто и определено... Но, чтобы понять для чего создавался древний артефакт, надо быть похожим на его создателя. Мыслить, как он. Да, предки жили в похожих на наши телах, но имели совсем другие «мозги». Иное воспитание, иной образ жизни, иной принцип машинерии. Вполне вероятно, что мы воспринимаем как ландшафт древние машины... С тем же успехом можно уверять, спустя тысячу лет, что наше время – эпоха первобытных охотников, раскопав поселок амазонских индейцев и, попросту, не добравшись до развалин Нью-Йорка.

Похоже, древние знали, что падают в Железный век, и постарались скрыть свои руины.

Чтобы земля заговорила и начала отдавать тайны, нужны особые люди, которым менталитет древних будет не чужд, способные понять и войти в иную реальность. И они есть, уже рождаются. Об одной из таких женщин моя книга.

Мне многое дало создание этого текста. Мир стал сложнее и богаче. Надеюсь, смогу поделиться этим благом с Вами, читатель.

глава I ГАНДХАРВ

Год 2014. Накануне событий

Цивилизация вернулась в Анино неожиданно. И это второе пришествие, надо сказать, удивило аборигенов. Они, люди старой закалки, помнили прошлое. Если деревня начинала расти и богатеть – это всегда какие-нибудь обстоятельства неодолимой силы. Строят, например, трассу областного значения, находят руду или нефть. И понеслось – ряды многоэтажных барачков, грязь, грохот машин, толпы вороватого, чужого народа... Кошмарная, конечно, но жизнь. А тут... Не явилось, а вползло...

Началось с того, что однажды перед давно уже закрытым сельпо остановился здоровенный коробчатый экипаж, смутно напоминающий катафалк, и вышла оттуда женщина. Мест-

ные, окажись они поблизости, дружно бы перекрестились. Так выходят ангелы из небесных колесниц.

Дама была высока, одета как инопланетянка – в непереносимо пестрое платье, в коем один рукав был вырезан со всеми окрестностями, и тяжелые грубые ботинки. То, что это непростая птица, подчеркивали именно они, отсвечивая дорогой кожей и никелем накладок. Дама по-хозяйски огляделась, оперлась о дверь своей колесницы и решила: «Городу быть!»

С той поры закрутилось. Открылось сельпо, раскисшая дорога, утрамбованная и закапанная гравием, утратила статус полосы препятствий. Джунгли помалу отползли от домов. А сами постройки расцвели, засверкали свежей краской, обросли сараями и беседками.

Новоиспеченная колония дауншифтеров требовала новых площадей и земель. Началось все, как водится, с фермы экотуризма, заботливо и дорого раскрученной хозяйкой, а закончилось творческой меккой. Местом довольно-таки модным, куда отваживались заезжать даже жители столиц.

Хозяйка полагала себя человеком искусства, и при всей усталости от цивилизации, божественный налет не утратила. Любила пестрые платья, чай до рассвета, приближала к себе творцов и разглагольствовала на философские темы. По слухам, неплохо живописничала и даже рисковала выставляться. Не понятно, как ее хватало еще и на хозяйство.

Впрочем, что можно ожидать от подобного человека? Приехать в глушь, начать с нуля... Личность сильная, со связями, в людях разбиралась. К делу ключевых персонажей пристраивала – лучше не придумаешь. Колония процветала.

Гости приезжали сперва отдохнуть, раз, другой и третий, а потом селились, привозили детей, родителей. И, в общем, ничего странного в этом не было.

Природа удивительная. Север Пермского края. Та самая грань, где сходятся суровая дикость Урала и, более-менее, дружественный человеку климат. Без этой, знаете, необходимости ходить все лето в шапке и смертельных испытаний в какие-нибудь минус пятьдесят. Были, конечно, свои пункты inferнальности: комары, странные нравы местных жителей, ледяная вода в реках и озерах. Но не пугали, приноровиться можно было.

Взамен – безлюдье, просторы, свежий воздух, настолько вкусный, что хоть ломтями режь и в банки закатывай. И, что немаловажно – аккуратная, добросовестная связь. Первая хозяйкина забота. Самолично всю машинерию привезла и, едва не в центре села, поставила. Местным старушкам, в общем, без разницы, а вот для остальной публики – краеугольно. Все эти замысловатые творцы, уехавшие от мира, несмотря на непонятность и альтернативность, с городом были связаны прочной пуповиной. Там были заказы, связи, друзья...

Многое она значит, связь. Особенно, если место непростое. На любителя. Чтобы там не говорилось, Пермский край – наш российский дом с привидениями. Где в целом спокойно относятся к идее инопланетного разума, альтернативных культур и прочей мистике. И дело не только в самоотверженном, многолетнем пиаре М-ского треугольника. А в атмосфере, в традиции...

Жило и живет в горах Западного Урала нечто рассудку неподвластное. Что, например, Мишенька Иванович, местный старичок из архангелогородцев, называет лихоманью. В его передаче это такой мысленный зов, который тянет человека к избранному месту. И противостоять ему не можно. Было дело – уходили целые семьи, вместе и врозь, бросая скотину, налаженный быт. Будто бес какой манил в горы.

Впрочем, был этот Мишенька Иванович большой причудник. Человек неугомонный, мистически настроенный и трепетный поклонник женской красоты. Что называется, «маринист». Термином этим, с легкой руки одного из российских писателей, принято обозначать человека героического склада, которого тянет к далеким берегам и таинственным явлениям, высоким чувствам и мировой славе. А вот, что творится у него под носом, в собственном его доме и судьбе, не склонного замечать.

Бог знает, что занесло его из родного Архангельска в общество анинских старушек. По рассказам самих аборигенок это была драма. В незапамятные времена перенесся он на крыльях любви к одной из местных красавиц. Но не сложилось. Жена рано умерла. С тех пор Мишенька скорбел. Что не мешало ему дарить внимание всем местным дамам. Надо отдать должное женскому контингенту – за Мишу они боролись. И между собой и вообще. Но он остался тверд, и номинальную верность ушедшей супруге сохранил.

Человек он был не простой, но для местного бизнеса архиполезный. Из лиц мужеска пола – единственный абориген. Причем персонаж такой, который нужную реальность формировал как нельзя лучше. Дома с привидениями, как известно, прекрасно сдаются и продаются. А если у местности имеется некий мистический оттенок – это золотое дно. Вмиг понаедет разных любителей непознанного, знай только места для постоя готовы.

То, что Мишенька Иванович называл лихоманью, имело вполне определенный медицинский термин. Правда сами медики, нередко сталкивающиеся на севере с этим явлением, тоже не нашли его причины. Да, уводила Полярная звезда в тундру и в тайгу целые поселки. Кого находили живым, кого мертвым, а кто и вовсе пропал. Найденные ничего не помнили – ни как шли, ни момента, когда сорвало с места. По их словам это был зов, которому невозможно противиться, который довлеет над человеком и заставляет забывать обо всем. О семье, о быте, о здравом смысле и даже о том, насколько ты тепло одет, направляясь в заснеженный лес. Правда, для классической картины мерячки, Пермский край землей был уж слишком южной. Массовые недуги такого рода здесь не случались. Но Мишенька всегда возмущался всякими медицинскими аналогиями. С его точки зрения звали к себе «Оне». Кто такие эти «Оне», Миша не рассказывал. Достаточно было слова, произносимого со значением, и выставлением в воздух указательного пальца.

В общем, это был Урал. Места вообще таинственные. «Оне» могли оказаться и прототипами бажовских персонажей, наподобие Великого полоза или Хозяйки медной горы, и какой-нибудь чюдью белоглазой, таинственным народом, издревле населявшим здешние места. Пермь и ее окрестности были той самой Великой Бьярмией, куда стремились искатели приключений еще с эпохи викингов.

Если не из слов, то из деятельности Миши, можно было понять, что «Оне» – некая альтернативная культура, с людьми незаметно соседствующая. Живут в параллельной реальности, каковую с миром привычным соединяют особые дыры. Места такие Миша знал и мог к ним отвести за определенную плату. Правда ничего не гарантировал и всегда уверял, что «Оне» пускают к себе только тех, кого сами хотят видеть. Всех остальных пугают. Понастроили вокруг дыр разных ловушек и кудес. Попадешь – поседеешь.

Более-менее безопасные годились для аттракциона. Были места, где можно ходить под наклоном градусов в шестьдесят, как Майкл Джексон. Были пяточки в траве и камнях, Миша называл их «лбы», вполне способные удерживать навесу все, что ни положишь – от панамок до довольно массивных цифровых камер. Добро просто парило в воздухе, нанося психике ощутимый ущерб.

И, понятно, заснималось в таких местах немерянное количество удивительных, и даже сенсационных, кадров. У кого-то проявлялись гигантские мохнатые сферы, у кого-то огненные змеи и черти на заднем плане, а у кого – даже недавно умершие родственники.

Местная богема Мишу любила. Щедро оделяла деньгами и дорогой выпивкой, впечатлялась от рассказов, ценила таинственность и немногословность. Так что, можно сказать, Миша процветал. И у него всегда была возможность, как непредсказуемо уйти в запой, потому что, как все почвенные северяне, пил Миша крепко, так и делать презенты прекрасным дамам. Надо отдать ему должное, наплыв отдыхающих он использовал в своих целях и ровесниц ценить перестал. Непринужденно и без угрызений совести перешел к более легкой возрастной категории. Ни семьдесят с хвостиком, ни вредные привычки прыти ему не убавляли.

И все бы ничего, можно было жить дальше и счастливо, но в недрах безбедного и беззаботного, в целом, бытия, таилась у Миши проблема, даже, можно сказать, головная боль. И называлась она Карасево. Расположенная в десятке километров южнее, это была обитель зла. Миша считал, что у него украли и теперь всю используют почвенное его владение. Ведь были времена, когда о существовании дыр знали немногие. А теперь, вот, понаехали. Усматривалась в этом и неблагоприятная роль Маришки, Марины Аркадьевны, владелицы нынешней анинской санатории. Раззвонила всем. Чудеса мол, аномальные явления...

Хотя злиться не нее особо нечего. Рано или поздно это должно было случиться. Только понаехавшая публика его сталкерскую натуру возмущала. Камлают тут, а надо изучать. Институт научный строить и за все как следует браться. Миша был человек старой закалки и науку уважал. А вот сектантов не терпел на дух. Во-первых – народ мутный, во-вторых – заработки отбирают. Водить-то к дырам водят, а того не знают, что жизнью всех этих заезжих дураков рискуют. И грязи от них много. А виноват-то, получается, он.

Впрочем, дело не в этом. Помимо человеческой воли живет такая земля. И сама решает, когда пришел срок себя открыть. И катится с того момента весь этот снежный ком, накручивая на себя все новые жизни и обстоятельства. И самое большее, что могут сделать люди – посторониться, чтобы не попасть под эту тяжесть...

Как часто бывает в российской глубинке, какая-нибудь вновь открытая и, более или менее, раскрученная аномальная зона неизбежно притягивает к себе соответствующую публику. Сперва экстрасенсы и искатели приключений всех мастей формируют почву. Потом на этом прорастают сектанты. Обычно безобидные. Какие-нибудь космоэнергеты. Потом приходят звери посерьезней, и начинают делать бизнес. Часто криминальный. Сплавляют сюда отработанный материал. Потерявших квартиры, имущество и семьи ради просветления. И все это на фоне курортного рая, экзотических туров, санаторий, наподобии маришкиной. Зона до поры терпит... Предел наступает с приходом военных, когда аномалия начинает сопротивляться. Появляется колючая проволока, КПП, цензура, какие-нибудь правдоискатели, которых расстреливают на подступах. Все маркируется как Пермь 001 и стирается с карт.

Но до этого было далеко, даже, может, и не в его, мишкиной, жизни. Карасево находилось в стадии не критической. Была это эпоха космоэнергетов, к которым неожиданно и напористо присоединились пермские родноверы. И пошли мелькать вышитыми рубахами да голыми боками по местным перелескам.

Особенно тяжело приходилось летом, ближе к августу, когда редели комары. Начинаясь сезон фестивалей. Кого сюда только не заносило! Но особенно возмущали ряженые. Мишка их побаивался и называл «благие». То есть буйно помешанные, умом тронутые даже не чуть-чуть. Навешивать на себя древние железяки и мечами махать! Сталина на них нет.

Более или менее принималась историческая реконструкция. Хотят попробовать, как оно предкам приходилось – добро! Но вот, косплей Миша не терпел категорически. Эльфы там всякие с ушами, оголтелые девицы в венках из сена – не захочешь – перекрестишься. Его крестьянская натура сопротивлялась иррациональному. «Это, вот, – говорил он, – как мыша из бронзы лить и на городской площади показывать. Сколько вреда от него. А им – «красивый, любоваться хотим...»

Глам. Мета первая

Приходят такие раз в тысячу лет... Говорят... И было это «говорят» из детства, из легенд, что так сладко слушать вечерами, чувствуя рядом бока друзей. Сколько бы не прожил – не забывается. Даже если давно перевалило за вековую грань...

Жизнь человеческая коротка. Слишком коротка, чтобы понять и смириться. И позабыть, отодвинуть в тень себя юного... Похоронить это безумие весны, когда каждый ее приход

кажется началом новой жизни, невиданной, не людской, ярче и стремительней, чем скованный обычаями, полный бесплодного ожидания, человеческий век.

Неизвестно сколько испытаний надо пройти, чтобы равнодушно встречать этот свежий ветер и не стыдиться... Не стыдиться себя, уже седого, не умеющего сдержать рвущееся из груди сердце.

Неизвестно... Приходится иной раз задавать себе вопрос: «А какое право имеешь ты, Сидраг, по прозвищу Глам, править чужие судьбы, если не можешь совладать с собой?» И большого труда, бешенного порой усилия, стоит ответ: «Имею!»

Ибо была и есть под рукой вежда Бобра – обширные земли на десятки переходов к западу от Южной Рипы. Из ее воинских глав я, ежели позабылось, восемьдесят девятый. И беда, если окажусь слабым звеном.

Равен я предкам весом и силой? Не знаю... Сами обстоятельства прихода моего в этот мир, были событием скандальным. «Глам» у людей из западных лавин означает нечто вроде «лунный свет». Так называли странных чад светловолосых родителей. Какая-то древняя кровь или семя богов давало их волосам и глазам иссиня-черный цвет. Нелегко быть таким, единственным в общине, внушающим ужас и удивление... Благо, судьба наградила хоть цветом глаз, как у родовичей, светло-серым. Так что получился «глам не до конца».

Впрочем, это никогда не останавливало тех, кто изводил глупыми шутками. Воины меры в том не знают. Но даден был и им повод заткнуться. Из одного далекого странствия возвратился «глам наоборот», поседевшим как лунь, с бородой подобной сугробу. Причины на то были, но говорить о том нет сил...

Выяснилось, что кожа без контраста черных волос не так уж и бела, да и возраст привнес свои меты. И этот «глам наоборот» знал теперь много такого, чего не знал Глам юный, замкнутый, мечтательный, очарованный древними сказами.

Ровно в тысяча сто двенадцать лет, три месяца и три дня приходит в подлунный мир человек, наделенный силой, доступной немногим. Срок этот вычислен столь точно не потому, что согласен с ходом светил. Приход его – дело рук людских.

Вихрь в ткани мира, созданный предками, ищет и приводит к служению избранного. Попав в янтру, человек терпит воздействие, необратимо меняющее его суть. Нити памяти выпадают из туги собранных узлов и дают себя прочесть. Поле становится огромным, а прошлое и будущее живут у самого чела.

Такой нужен своду, и родится только аръем. И в этом отвержении чужой крови – глубокая мудрость и забота о равновесии. Он вроде кристалла памяти, которым для верности снабжают книги. Их специально делают плоскими, чтобы закладывать страницы. Походит и на путевую янтру. Увидишь ее на дереве и убираешь в дальние кладовые памяти весь прежний путь – настраиваешься на новый...

Человек такой – страшная сила. Выпадет из свода – беда. Так уж мы устроены, каждый – зерно, в коем спит все людское племя. И пока память скручена в тугие узлы – мир принять нас способен.

Бунтарям объявляет войну. Распутанные нити – чаще боль, чем благо мудрости. Как маятник, колеблется герой между мирами. Невиданным могуществом богов и адскими безднами. Не устроены люди для подобных игр. Не все выдерживают. Сгорают в пламени божественных колесниц, или падают вниз, без надежды вернуться.

Может и правы древние, отдав это бремя женщинам. Существом изначально сильным и стойким. Стихия их – страсть, из нее они получают знание и свободу. Чтобы жить таким порядком, надо иметь острый холодный ум и нелюдское самообладание. Иначе – сумрак безумия и смерть.

Многое отнимает у женщины такой путь, но многое дает. Творя запретное, они имеют роскошь видеть мир своими глазами.

Да, они из тех, кто способен испить чашу аватара-меты. Принять в себя дар памяти и божество, которое его держит. И прожить так всю жизнь. Часто довольно длинную, способную перевалить за тысячелетний предел.

Что дает им это древнее знание? Горечь и осознание собственного бессилия... Но кто-то должен знать, как было, как надо сейчас и что надлежит в будущем! Часть их предназначения в том, что когда равновесие в своде колеблется, к ним приходят за знанием. И они открывают себя. Случается и так, что аватар-мета по возрасту или телесной немощи, не способен к деянию. Тогда он зовет восприемника и отдает ему свой дар вместе с жизнью.

Не могли себе представить праотцы свод полуразрушенный, когда равновесие висит на волоске... Созданное ими предназначалось служить вечно. Не мыслили иного в расцвете своей силы.

Но свод валится в бездну, оставляя немногих выживших помнить о своей славе, но не быть способными поддерживать вековой порядок. Эти осколки сохраняют древнюю кровь и тени былого знания, а рядом с их лачугами все работают древние янтры и будут работать века, уже позабытые людьми...

Лина. Обстоятельство первое

Красивое место...

Поляна. Богатырский бор. Сосны в обхват, солнце золотит кроны. И ветви их уже миру этому не принадлежат – драгоценные врата в страну богов, невесомые, резные, в сверкающих камнях.

Урал... Господин Урал. Это ж надо ощутить – ты здесь. Наконец! Принесло. Чтоб, значит, священный трепет и все такое...

Да, ни разу! Трансцендентное спокойствие наплывает приступами, на пару мгновений, все остальное время занимает культовый вопрос: «Зачем я здесь?» Бывает так, что приехать то приехала, а какого черта не понятно... Известная болезнь всех интравертов... Надо просто пережить, переспать с этим несколько ночей... Пройдет...

Корень всех бед и культовых вопросов – глянецовый листок, попал в руки случайно. У метро сунули. Сперва захотелось скомкать, но что-то остановило.

Некто Марина Аркадьевна Лемешева, известная бизнес-вумен и замечательная женщина, предлагала деятелям, да, что там, любителям искусства, райские условия на творческой даче. Опуская все благоглупости рекламных бумажек, заинтересовало место, куда она Марина Аркадьевна приглашала. Север Пермского края, Урал... Давно намечалось там побывать.

Вот, знаете, есть такие впечатления, которые ставят в тупик. Звучит, например, слово, название страны или области, на взгляд большинства вполне безликое. Но с тобой творится нечто. Сразу ощущается мягкий, теплый свитер, ласкающий бока. Возникает несомненное, неизвестно откуда взявшееся знание, что сейчас, прямо с этой минуты, жизнь сменила знак с минуса на плюс. И они уже здесь, стучатся в дверь, разные чудеса и таинственные явления. Вот, Урал... Место такое, богатырское. И ехать туда надо безо всяких разговоров завтра, нет сейчас...

Пропадает эффект минут через пять-десять. Съедает все слякотная дорога, метро, офисные и неофисные какие-нибудь лица. Но послевкусие держится и напоминает бутерброд с ореховой пастой. Чертовски калорийную, но вкусную вещь, которую любой организм, даже аскетически настроенный, признает априори правильной.

И вот что эта лохматая Пермь? К чему она? Следовало относиться к подобным взбрыкам смиренно... Бывает... Зов дальних странствий. Люди, кем бы они там не были, проявляют к нему разную устойчивость. Для детей лет пяти-семи, разного рода творцов и адреналиновых наркоманов – это руководство к действию, а для всех остальных – глупость какая-то.

Что это было в ее случае? Боролись, набегали друг на друга волной, две стихии. Взаимоисключающие. С одной стороны в картонных шлемах, с деревянными саблями шли в атаку Чук и Гек, существа храбрые и возвышенные, готовые ехать на любой край света, и, вернувшись оттуда, сразу отправиться на другой. Оппонентом выступал лощеный, в лакированных ботинках и чашкой кофе в руке, офисный рачок, разросшийся до размеров осьминога. Вечно усталый и томный, он даже не рассматривал обоих храбрецов соперниками. Просто раздавал щелчки, не забывая отхлебывать из кружки. И братьев было жаль! Обидно за них! И скоро намечался отпуск. И этот дождливый, уже доконавший своим осенним духом, август...

Надо сказать, человеком она была скучным. Да, тянуло на вокзал накануне лета. Просто хотелось смотреть на поезда и воображать каково всем этим людям, которые в них... Каково будет ей самой, ежели отважится поехать...

Представлялось, что хорошо. Просто май – время такое, когда все вокруг смотрится непередаваемо таинственным, значительным. Замечается, сколь очаровательно коричневый, глубокий цвет имеет гравий на дорожном полотне. Как странно и таинственно он пахнет. Пылью, гарью, металлом... Так видят мир в пять лет, ничего не отторгая и не судя. Просто разглядывают широко открытыми глазами, застыв от удивления...

В августе – иначе. Это задумчивая пора рисовала дорогу как повинность. Ну, вот надо, что сделаешь. Собраться и вытерпеть. И Марина Аркадьевна, там у себя, обещала чудеса – аномальные зоны, фестивали реконструкторов, всякоразные обряды из глубины веков. В общем аттракцион... Знала свое дело Марина Аркадьевна.

Ну, аномальные зоны и обряды, это как-нибудь без нее. А вот реконструкторы, да еще на фоне первобытной природы... Достоинство уважения. Это, вот, все – наряды из мешковины не со своего плеча, пухлые телеса, обернутые новенькими кольчугами, варварская обувь. Издалека смотрелось. И для набросков годилось вполне.

Такие они все – буря и натиск! Правда среди героического настроения этой публики как-то теряешься, быстро заражаешься их сумасшествием и начинаешь видеть себя не здраво. Этаким дитяем природы, гораздым на рубленные интонации, широкие жесты и злоупотребление спиртным.

Внимание привлекать она не любила. Истерическая склонность показывать себя во всех нескромных ракурсах, происходила, на ее взгляд, от того, что человек ни имени, ни пути своего не ведает, не знает толком куда податься. Шуметь, рвать футболки, невзначай демонстрировать боевые ранения из-под темных очков, подавать себя супер-пупер величиной – это была какая-то агония перед выбором. Когда от людей хочется подтверждения, что ты у себя хороший, и какого-никакого намека, куда же все-таки идти...

И это была уже не ее история. Сделан был выбор, еще в очень нежном возрасте. И в полной мере получены все последствия этого факта.

Так бывает, что в роду некто выбирает деятельность, остальным представителям сообщества не свойственную. И начинается... Путь бобра. Того самого, что все грызет и грызет, гнет свою линию, и ни на что не надеется. Ни на помощь, ни на понимание, ни на одобрение. Просто план у него такой – построить нору. Очень важную и удобную. А все шумовые эффекты вокруг – это такая игра природы. Смирению к ней надо относиться...

Подобные люди очень скучные. Большинство талантливых людей такие. Приходится им приклеивать сверхъестественные усы, рядиться в пестрые перья городских сумасшедших. Но это часть плана. Пункт первый.

Пункт второй... Спектакль сыгран, творец садится к холсту. И вы бы видели, какое скучное у него бывает лицо...

Кто виноват, что в мире происходит именно так? Либо внешнее, на которое тратится все без остатка, либо внутреннее, которое тоже забирает все. Иллюзия, что наличествует и то и другое – просто вопрос коммерческого таланта. И даже не художника, а его агента...

Если человек написал хотя бы одну стоящую картину, или песню, или книгу – часто значит, что он очень плохой тусовщик и, скажем так, «вещь в себе».

Достучаться до такого нелегко. Но мир, он разве в покое оставит? Нечто воздействует и на бобров. Впрочем, в жизни каждого из нас имеются фигуры, дающие направление в пути. Можно назвать их знаковыми. Те самые люди, которые походя, даже не особо задумываясь, бросают слова, полезно и разом вправляющие мозги. Следует благодарить небеса за их явление.

Для нее такой фигурой стала профессор искусствоведения родной институтской группы. Перед выпуском ведь всегда на что-то надеешься, строишь грандиозные планы. А она, Иллария Львовна, просто мимоходом уронила, не ожидая, что услышат: «Не стремись в профессионалы, освой ремесло, какое-нибудь околхудожественное, и занимайся им полдня, для денег. Поверь мне – это благо, не кормиться творчеством...»

Потом только понялось, о чем она. Иметь амбиции в нашей полувосточной империи непросто. «Не верь, не бойся, ни проси» – примерно для таких, как она, без принадлежности к творческому или хотя бы интеллигентному семейству, приятной броской внешности, готовности идти по трупам. Нет, всего этого не было, а значит, был путь бобра. И много-много терпения, и никаких ожиданий...

То, что она писала и рисовала, не всегда решалась показать. Вовсе не потому, что плохо владела ремеслом. Просто был опыт непонятого отношения людей ко всему созданному. Они либо долго рассматривали и молчали, а потом как-то странно смотрели и быстро ретировались. Либо безобразно вытворялись и объявляли, что выставленное – от лукавого, и следовало бы ей лукаво, вообще, не мудрствовать. При этом термина «лукаво» не поясняли, видимо думали, что сама догадается.

Но она не понимала. Это были просто пейзажи, портреты, исторические картины. Правдиво и без купюр написанные о том, что увидено. О чем невозможно молчать, ровно как и невозможно говорить. Решали проблему только холст, бумага и краски. Потому, что как только начинались слова – веяло махровой психиатрией. И дело тут было не в генетическом страхе отверженности по причине диагноза, хорошо знакомой нам, русским, а в том, что в ней действительно жило два мира. Один – реальность, другой – сны.

Появилось это лет в тринадцать. И выглядело как ночь за ночью повторяющееся очень реалистическое действие, в одной и той же обстановке, в окружении одних и тех же людей. Она вскоре даже стала с ними общаться и называть по именам.

Это была очень древняя цивилизация, какая-то вообще допотопная, существовавшая здесь же, на Земле, в тропиках. В них было много от индейцев, ранних греков, жителей южной Индии. Она очень этим увлекалась и никому не могла рассказать. И в итоге, как свойственно всем подросткам, решила, что это болезнь. О том, чтобы поделиться с родителями не было и речи, со сверстниками... Но тогда у нее не было бы друзей.

Положение спасла их школьная психологиня. Дама категоричная и стрекотливая, ровным счетом ничего из ее рассказов не понявшая, но торопливо переславшая к психиатру. А там уже пошли таблетки. Видения стали редкими, но какими-то мутными и откровенно страшными.

Но все-таки это было благом, позволило окунуться в манящую, фривольную подростковую жизнь. Побочный эффект, правда, возымело неожиданный – увлечение историей. Она целыми днями могла пропадать в музеях и библиотеках. Дальше – хуже, стала привлекать мистика. Вещь, как известно, для детских умов не полезная. Но Бог миловал – ни гота, ни сектанта из нее не вышло. А потом стало просто некогда. Окончание школы, училище, институт...

А сейчас... Сейчас это просто временами возвращалось. Как прежде – многосерийные сны, с добавлением все новых обстоятельств и персонажей. Там многое увлекало и шокировало. Она записывала увиденное, и тщательно прятала дневники. Накопилась увесистая стопка тетрадей. Ничего похожего в учебниках истории читать не доводилось. Это был какой-то аль-

тернативный вариант, либо просто другое измерение. Как в детстве уже не пугало, да и нечасто накаtywало. Просто любопытно было, как экзотическое путешествие.

А недавно, прямо перед поездкой, и вовсе странное приснилось. Темный четырехугольный двор, вечерет. По ощущениям дело происходит не в тропиках, а в средней полосе. Посреди двора – странное сиденье, с одной стороны напоминающее необработанный валун, с другой – причудливо, сложно вырезанное, все в знаках, вроде римских цифр.

И сидит на этом троне человек. Поджав под себя ногу, выпрямившись, как это принято изображать на индуистских иконах. И странный это очень человек. Совершенно в знакомые по снам типажи не попадающий. Те смуглые, чернявые, не слишком высокие. А этот здоровенный, с целой копной длинных светло-русых волос, белолицый. В серой просторной одежде. Сидит и смотрит. Так странно глядит, и слышится за этим какая-то красивая мелодия с перезвоном колоколов. Будто вертится калейдоскоп, показывая его каждый раз с немного иного ракурса. И терпение на него смотреть не кончается. Путешествуешь по его миру. То занесет в угол двора, и виден он со спины, то подкинет на черепичную крышу, в ветви близких берез, то прямо пред лицом у него окажешься. Он замечает, улыбается. Красивый. На икону похож. Вот, что все это значит? Кто это? В поезде пыталась его нарисовать. Не получился, конечно...

Да, излюбленное это человеческое увлечение – бегать от работы. Что еще надо? Места первозданные. Такая природная мощь – дух захватывает. Деревя все во мхах, цветные травы, камни. С любой точки шедевр получится.

Но не идет... Странно все на этой чертовой даче! Валяешься часов до девяти, но, вроде, не выспалась. Любой звук, неожиданное движение раздражают, даже пугают порой. Вздрагиваешь, ни на чем сосредоточиться не можешь. Ветка хрустнула – мгновенно туда, и начинаешь шарить глазами. Не до этюда.

Ну что страшного? Соседи по коттеджу, вон, за камнями расположились.

Да... Не втянулась... Но минуя прелести акклиматизации, все же многое настораживало в здешних местах. То, что не проявляется в событиях, разговорах, но неотступно присутствует, как фон.

Место было с норомом, более того – с секретом. Ощущалось... На этом фоне назойливый пиар дачи с привидениями даже успокаивал... И Марина Аркадьевна, и Мишка-сталкер, они старались. Но мифы всегда что-то страшное прикрывают, неудобное. Испокон веков так ведется.

Красивое место...

Этюдник. Кривоватые линии на картоне. Однако, пора собираться. На этот раз тоже ничего не выйдет...

По первому впечатлению все ощутилось, как удар. Было хорошо – мгновенно стало плохо – трудно дышать, скрутило живот. Бывает такое при столкновении с реальной опасностью, какой-то уж откровенной уголовщиной.

Весь страх был в звуке. Он родился в глубине леса, этот протяжный вой. И была в нем неотвратимость и тоска, как в реве воздушной тревоги. «Уаау!»

Поймала себя на отчаянном растирании ушей. Прямо грязными руками, где придется – по коже, по волосам! Чесалось очень. Внутри ушей, даже внутри головы. Мозги чешутся... Хохотнуть сил не хватило. Страшно очень.

Она вспомнила, где слышала такое. Скрипучий визг, непереносимо высокий и жесткий, тоскливо роняющий сердце. Так кричат перед смертью. Летящий с высоты понял, что натворил...

Она вжала голову в плечи, ей показалось, что сейчас будет тот шлепок. Влажный, глухой... Черт! Уши надо заткнуть! Давить что есть силы!

Получилось... Кажется... Хорошо. Тихо. Как ватой обложили. Она растерянно повела глазами и отняла руки от головы. Звуча не было.

В палитру шумно упал картон с начатым рисунком. Пару мгновений она озиралась, зябко потирая плечи. Потом сорвалась и во всю прыть побежала к камням.

Глам. Мета вторая

Аруна был ровесником и другом. Некогда, напуганными семилетними малышами, привезли их в кром. Там не было привычной еды и игр, пугало до дрожи множество чужих людей и предметов, странных запахов, странных обстоятельств и отношений.

Они сразу потянулись друг к другу, жались рядком, как котята или щенки. Кром был суровым местом. Чудовищный этот дом разом менял знак жизни, ставил все с ног на голову. Это как попасть в ад. Где чтобы прожить еще минуту надо терпение, терпение ценой рассудка, терпение, когда терпеть уже нельзя, не в человеческих силах...

Аруна смутно помнился уже. Только тепло и странный цвет глаз. Они были светло-карие, почти желтые. Его солнечное имя несло соответственный лик и характер. А, может, исходило из сути? С головы до ног был он золотым. Желтые волосы, смугловатая кожа, янтарного цвета глаза...

Он стал воином Вишну. Бритоголовым, сумасшедшим чудовищем, с которым мало кто отважится смешать кровь побратимства. Впрочем, это не обсуждалось, лестно, в конце концов, иметь в близком круге человека по прозвищу «Конец света». Когда к нему пришла зрелость, немногие могли выдержать взгляд этих желтых глаз. Горела там свирепая сила, как у огромных клыкастых котов, идущих за стадами варатов.

Он был великой душой, очень добрым человеком. И многое сделал для того, чтобы свод жил. Но стоило ему это усилия неимоверного, заходящего за людской предел. Он погиб, когда горела в братоубийственной войне вежда Оленя. Принял удар копья войны. Брат не принадлежал ни к одной из сторон, и закон однозначно прекращал в таком случае распрю. Впрочем, утихло пламя ненадолго...

Это было его восьмидесятое лето. Самый расцвет жизни, когда до невозможности обидно уходить. Но участь Аруны была счастливой. Он не видел ужаса, творящегося ныне. Боль его жертвы с годами стала вызывать лишь горькую усмешку. В свои сто пятьдесят три довелось наблюдать гибель десяти вежд и исход четырех...

Уже не казалось диким, что один за другим погибали старые воины, связанные с разумом свода. Не редкостью были десятки погребальных костров в год. Они приносили себя в жертву, чтобы община продолжала жить. Множество молодых лиц, заполняющих площадь в день общего сбора пугало. Необратимые изменения начнутся в ближайшие годы...

Но повезло! Знание обрел, важное, неожиданное... Не людская сила вмешалась в гибнущий свод. Боги заговорили...

Мелькнула надежда и вынудила раскинуть сеть. Делание это вынимает до дна, но позволяет найти того, кто нужен. Люди подобны узелкам в ткани жизни. Одни горят, ярче, другие тускло. Есть свой цвет и у той, кого жаждал встретить. Много узлов надо было перебрать, бродя по нитям сети. Но когда мелькнул этот странный лиловый блеск – не поверил своим глазам.

Оказывается она близко! На севере, в двух десятках переходов. Но свет узла горел тускло. Это глубокая старуха на грани ухода. К аватарам-метам даже не рискуют обращаться в такие года.

Долго бродил вокруг... Всем хочется жить, и старикам не менее, чем молодым. Жизнь дает неопределимые ощущения их угасающим умам и оболочкам.

А ведь ее надо убить. Эту богиню. И не просто убить. Обряд требовал времени и сил. И согласия того, кто отдаст жизнь... Согласия...

Звали ее Алдра, и она знала, зачем пришли. Хоть не была жрицей, ощущала суть вещей безошибочно.

И еще... Редко доводилось видеть столь прекрасную женщину. Залюбовался, не мог глаз отвести... Высокая, прямая, со снежно-белыми кудрями. Сухие, строгие черты, будто выточены резцом. Казалось, время запечатлело их на пике расцвета, обратив в совершенное изваяние. Ни морщин, ни следов дряхлости...

Зачем она пришла в эту глушь? Почему прожила здесь всю жизнь? Дела аватаров-мет всегда за гранью. Родовичи, естественно, не подозревали, с кем рядом коротали век.

Первые ее слова: «У тебя взгляд страдальца».

Что можно ответить? Благо – промолчать...

Алдра склонила голову. И в этом жесте немного согласия была жизнь, надежда для всех малых и больших в своде!

Но судьба предрекла иначе. Она владеет жизнью и смертью подобных. И она хранит их знание. В назначенный срок Алдра была уже не в силах совершить обряд. Весь блеск ее красоты был закатным лучом, а телесная крепость зыбкой фигурой из снега...

Сам закрыл ей глаза на третий день после приезда. Не возможно вспомнить, что творилось в душе, когда исходили ее покровы. Очень больно... Нет сил вспоминать до сих пор. Мне, без стога терпевшему адскую муку...

Бессилен помочь... Всем им, далеким и близким, сильным и слабым, беспечно доверившим жизнь... Такой боли не ведал прежде. Мир плыл перед глазами.

Благо есть что вспомнить, кроме тех страшных дней... Год, был богат событиями, которые неизгладимым клеймом впечатались в память. Кто спорит – все прах земной. Но попадают в этой пыли ветки и камни, которые ранят руки, ранят душу, ранят сердце. То самое глупое человеческое сердце, что успокаивается последним...

Лина. Обстоятельство второе

Крик напугал. Просто выбил почву из-под ног. Черте что теперь в голову лезет. Искать надо, спасать. Понятно, будут какие-нибудь гнусные, до невозможности, обстоятельства.

Только работать соберешься – на тебе! Впрочем, сейчас полностью трус праздновал. Работать она собралась... Художники духом не великаны, есть такое. В быту, а уж тем более в рискованных обстоятельствах, полное недоразумение.

А трусов действия собственного тела приводят в тупик. В связке с клопочущей беспокойством головой, оно оказывается субстанцией самой разумной. Вот и сейчас выписав крюк по поляне, минуя всякие там: «Ужас! Куда деваться?», организм собранно и споро устремился в кусты. Чтоб к соседям не напрямиком, а по траве и веткам. Вдруг что...

Информацию надо добыть. Любую. Пусть и не очень приятную.

Тем более, что крик беспримерный... Ни в ярости, ни от испуга – только перед смертью так кричат, когда уже все равно, что дальше. Труба Апокалипсиса, прям... Бывает, конечно, чудовищно фальшивят петухи и вороны. Странные звуки получаются, просто леденящие кровь.

Когда ладони ощутили прохладу огромных валунов, и было сделано усилие все-таки взглянуть – взяла досада. «Вот свиньи, свалили, даже не предупредив!» От сердца отлегло. Соседи тихо собрались и ушли, по-английски, даже траву не потоптали.

Художники часто устраивают вокруг себя беспорядок, к которому привыкли в мастерской – банки с кистями, тряпки, кассетницы, чтоб мокрые этюды носить. Но беспорядок это особенный, там все просчитано и выверено веками.

Если нападают или даже похищают – никому в голову не придет аккуратно собирать этюдники. Злодеи, особо осторожные и старательные, просто покидают весь скарб в багажник, и обязательно, просто непременно, оставят что-нибудь в траве.

Значит – место не заинтересовало, решили кочевать по окрестностям. Вот не будет она больше с ними общаться, с этими дураками!

Но помимо плясок ума, судорожно подбиравшего объяснения пропаже, под куртку пробрался холодок. Она нервно озиралась. Наконец опустилась на землю внутри густого орехового куста и сжалась в комок. Слишком уж все странно. Надо переждать.

Из куста неплохо была видна поляна, стоящий посреди этюдник. И если уж имелись в природе какие-нибудь злоумышленники, они бы точно себя показали. Прошло полчаса. В очень неудобной позе на сырой земле, без возможности встать. Зуб на зуб давно уже не попадал, да и пора предсумеречная. В августе быстро темнеет.

Тело, как старший по званию, вынесло вердикт. Ночевать в этих кустах оно не собиралось. Однако, страхи свои старые помнило... Напугали на этюдах. И если бы не случайные прохожие, может статься, и не бродила бы она по здешним зарослям. С тех пор приходилось очень осмотрительно выбирать места и не отказываться от компании.

Ну ладно, вообразим кинематографическую версию событий. За ней следят. Прямо сидят полчаса в соседних кустах и ждут. Господи! Да что она за птица такая?! Всю жизнь на нее более пяти минут никто не тратил!

С другой стороны, есть такие, маньяки... Народ терпеливый, с самобытным подходом. Охотники. И ждать им даже нравится.

Последнее разозлило. Ноги затекли, сил уже нет! Ну их всех к бесу! Имела место быть стадия «будь что будет», когда какая-нибудь, умотанная котовыми играми мышь, просто уже не может бояться. Устала. Прет напролом, с мутными глазами и улегшейся на загривке шерстью. Встретит преграду – кидается, молча и решительно, как робот... Получив, этак, пару раз, коты шалеют и с мявом уносятся прочь.

Вот так! Подходим и собираемся. Не торопясь. И показательно, со щелчком, крышку захлопываем, чтоб знали!

Ножки свинтить не получилось. С размаху села в траву и обхватила голову руками. Внутри зудело, чесалось и крутилось пестрой каруселью. И из этого всего родился, выплыл, как белый пароход, оглушительный, солидный, даже помпезный, звук. До невозможности знакомый. Из детства... Телефонный гудок! Были такие старые аппараты, с трубкой, с длинной скрученной соплей провода. Хочешь звонить – слышится это протяжное: «Ту-у-у...» Так вот оно же, во всей своей бюрократической отстраненности, только усиленное в разы, с несущимися внутри неясными шумами и скрипами, звучало сейчас в голове, заглушая весь мир. Как тот крик... Опять! С ума она, что ль, сходит?

Да что же это?! Отчаянное мотание головой, не щадя себя, что есть силы. С риском шею свернуть. Так легче будет. Тише... Звук почти умолк. Она отняла руки от ушей, и испытала неудержимое желание сплюнуть. Противно во рту. Вяжет. Все слиплось, как от незрелой хурмы, до полной невозможности глотнуть.

Но как только мир вернулся во всех красках, обнаружили странности. Нет, она не сидела в траве, как ожидалось – стояла. Стояла на краю поляны, обняв толстый, поросший мхом ствол, и улыбалась. Было хорошо. Но как-то неправильно. Вот так – из одной реальности в другую. Получилось даже хохотнуть.

Но звук собственного голоса насторожил, даже напугал. Так бывает – долго молчишь, потом ляпнешь что-нибудь, и петуха дашь... Смешно...

И это, вот, все – пройти сотню метров не заметив, даже не ощутив...

А, знаю! Это чудеса! Прекрасные и замечательные! Они пришли. И я теперь в сказке! В настоящей. Такая Красная шапочка...

Настроение присутствовало бодрое, боевое, лицо корежила гримаса. Улыбка, наверное, судя по страшному напряжению в щеках и под глазами. И тянуло, просто невыносимо влекло, туда, вглубь леса. Во все эти прохладные изумрудные дерева... Полет... Романтика... От ствола надо отлепиться и идти. Идти, куда зовут. Все это было так мило и смешно. Смешно, потому что опять неправильно. Будто высасывает через трубочку, стремительно затягивает в быструю ходьбу ноги, руки, туловище. Ты такой у себя, латексный человечек. Как угодно можно мять, и ничего не делается. Смешно... Она захохотала и опять испугалась своего голоса. Так старухи смеются. Хихикают мелко, даже немного похрюкивая. Пьяная я что ли? Напиться уже успела? Когда?

Она остановилась. Ну, этюдник же! Он там, на поляне. Собрать надо. Куда меня несет?

Но ведь и лес! Хочется туда... Она трянула головой. Автоматически получилось. И остановиться уже не смогла. Мотала головой, как сумасшедшая. Очень действенное, такое, упражнение. В одной из оккультных книг вычитала. Так избавляются от морока. И в голове действительно прояснилось. Стало холодно и пусто. Но навалился дикий страх, мокрая одежда прилипла к спине. Она судорожно озиралась, вертясь на месте: «Господи, где я? Что это было? Лихомань эта, мишкина? Нет, надо сваливать. Вот правы они были – вовремя ушли!»

Кинулась собирать этюдник. Руки тряслись. Когда плечо, наконец, ощутило ремень, опять стало славно и смешно. Улыбнулась, уронила короб в траву – так уютно, и непонятно чего здесь бояться? Неожиданно представилось и просто оглушило поразительной красоты видение. Даже не живая картина, а что-то вроде иллюстрации или мультфильма.

Голая спина, широкая, мужская, видно, что человек очень сильный. Жилистый такой. Светлая кожа в изысканных цветных узорах, прекрасных, завораживающих, текущих между крупных рельефных мышц. И что-то лежало поверх. Веревки? Нет, косы. Длинные, четыре или, может, больше, как на востоке заплетают. Они волнисто восходили к небольшой седой голове. Человек роста, видно, немало. И он медленно оборачивался. Все более вырисовывался профиль: горбатый нос, широкие темные брови, серебряная жесткая шерсть на щеке. Внизу у подбородка – непонятная форма. Мешок? Нет, это он так бороду заплел и закрутил в узел! Какой-то якудза... Он оборачивался все больше, вот сейчас взглянет.

Она сжалась и закрыла лицо руками. Да, это оно, продолжение! Дальнейшее развитие событий. Чего уж... Теперь глюки пошли наяву. Снов им мало... Нет уж, дорогие, не сегодня. Домой, и только домой! А молодца этого совершенно необходимо зарисовать...

И радостная, задумчиво улыбаясь, представляя, как хорошо может получиться подобный лист, пошла... Знала, что идет не к коттеджам – в лес. Понимала и шла. Потому что иначе нельзя. Сказка уйдет! Чудо! Титанический старец стоял перед глазами как живой. И было странное ощущение приближающегося тепла. Чего-то великого, несказанного... Там все – за этими кустами. Шаг – и откроется. Надо раздвинуть. А нет, колючие. Боярышник. Шипы такие, в полпальца. Обойти что ли? Она повернула голову.

Вдруг по ушам резануло отчаянное: «Лина! Линка!» Голоса женский и мужской. Ясно. Два этих идиота. Нагулялись, вернулись – а никого нет. И в коттедже нет – пошли искать. Ну что с них взять? Молодая пара, медовый месяц. Кролики...

Но на фоне этих мирных, вроде бы, мыслей колотило до костей. По спине струйками лился холодный пот. Страшно до смерти. Даже думать страшно...

Бежать! Со всех ног к поляне! Просвет был виден за кустами. И не думать! Не думать ни о чем. Никаких, этих, сказок и радостей! Только по делу! Потому что – лихомань. Точно она, Мишкина, эта, мифология... Господи, никогда так не хотелось увидеть людей!

По дороге никто не попался. Тропа огибала берег озера. Дома были уже за кустами. Но гравий под ногами не скрипел, как привычно. Ах да, это соседняя тропка, неизвестно зачем вытоптали...

Подошел к озерцу, она постояла с минуту. Все-таки вода успокаивала. Ну, невозможно удержаться – руку хотя бы намочить.

Трясло, в горле стоял шершавый ком, каждый шорох – как гром небесный. Да и руки просто негритянские. Песочком хоть потереть, чтоб народ не пугать...

И она шагнула к воде.

Глам. Мета третья

В то утро он услышал сквозь сон слова. Невозможно спутать ни с чем – язык истока... Тихий таинственный скрип, еле слышный свист, что звучит вечерами по-над полом в клетях...

Неисчислимые века назад темная земля явила чудо. Созревший, обретший силу разум искал сосуд и обрел его в огромных чудовищных телах. Так родилась раса демонов.

Они походили на саранчу... Многие общества жукоподобных имеют в истоке реальность ада. Стремления их тел жестки и властны, а жажда действия слишком сильна, чтобы возможно было отстраниться. Они не знают меры и жалости, их тонкий изощренный ум слишком прямолинеен. Там нет полутонов, уступок и нерешимости. Их жизнь – непрерывная война мощных, жадных умов и тел. И обещание счастья в этой борьбе – скупая ласка их темного солнца. Только неодолимая власть дживы способна удержать этот мир в равновесии, низводя живых существ до роли кукол...

Да, можно сказать, он вырос из бездны, и бездна эта часто давала о себе знать... Когда впервые увидел – молчал несколько месяцев. Нелегко оно дается, знание о себе...

Те, кто создал его основу, были очень большими, великими. И телом и духом. Но мощь их ушла на то, чтобы стать жертвой на алтаре жизни. Лишь искры этого погребального костра долетели до других миров...

Та, что пела песню на этом древнем языке, оказалась не сном. Зримая и прекрасная, сидела она на краю постели. И разум в ужасе отталкивался от мысли, что она тоже ощутила в себе эту бездну. Должна была ощутить, чтоб обрести слова...

Много странного было в этой женщине. Образ ее, как зыбкий морок, плыл перед глазами, внушая ужас и восторг от соприкосновения с невысказанным, полным подобием его пути. Исключительная редкость и удача, неоценимый дар!

Они обречены были слиться, как встретившиеся капли-близнецы. Иначе невысказанно вести себя с чудом. Его хочется вобрать и оставить в себе...

Сидевшая на краю лавки величиной была исключительной. Огромное поле, просто громкоподобное, с ярчайшими сложными переливами красок. Жрица. Не из последних в своем круге.

Из ее головы и плеч исходили лохматые золотые шлейфы, рассыпающиеся множеством нитей, белых, пульсирующих, хищно проникающих во все. Так они всматриваются, примеряют себя к обстановке. Сам так умел, но прибежал к этому редко, сохраняя силы.

Хотелось бы знать, что делает в кроме такая птица? Впрочем, они приходили, не спрашивая. И трогательно старались напоминать людям. Трудясь, пожалуй, излишне. Не всегда надо опускаться на колени перед ребенком, чтобы тот выслушал и принял к сердцу твои слова.

Но стояло за этим неожиданным приходом и иное. Сидевшая перед ним, не скрывала нежную красоту своего тела. Опустилась на лавку чуть боком, чтобы под тканью обрисовалось круглое бедро. И держалась прямо, слишком прямо, давая заметить прекрасный очерк груди и шеи. Не желая того, отвел взгляд, поднял руку к лицу, боясь себя выдать, как самолюбивый молодой воин.

В свои немалые уже года он не устал любоваться женской красотой. И бывало, находил поутру в постели женщин из крома. Возможно, им, по молодости, льстила такая связь. Но долго при нем никто не оставался. Он был очень высок, на голову выше любого из вежды. Соразмерны росту были все части тела. Выдержать такую страсть один раз любопытно, но делать это правилом охотниц не находилось.

Был ли хозяином желанию? Не знал до сих пор. Хотя давно уже в лицо не бросалась краска, и было приятно просто смотреть, растворяясь в соблазне.

Но гостя наклонилась, обняла, коснулась губ. И сказала странное, перед тем как позволила развязать ворот платья: «Ты найдешь утраченное в грядущем...»

Лина. Обстоятельство третье

Вода, вопреки ожиданиям, не успокоила. Вот, не объяснишь – атмосфера знакомая, место видано-перевидано, но что-то сдвинулось. Что – еще не понятно. Естественно, прыгающие мозги приходится успокаивать, убеждать с нажимом, что, мол – игра воображения. Не в первый же раз...

Домой, все-таки, очень хотелось. День выдался заполошный, нелепый какой-то.

Да и леса местные, их парком не сделаешь, как ни пытайся. Тайга... Земля, уже по названию, не приветливая, требующая для выживания либо первозданной дикости, дающей с кровью предков, либо твердости первопроходца. То есть, это не просто какие-то заросшие деревьями места, а знаете ли – явление. Лес, как сосед – мутный, буйный и часто нетрезвый, но, несмотря на все странности поведения, субстанция разумная, со своим мнением по разным вопросам. И еще живет здесь что-то... Такое, с чем лучше не шутить.

А поначалу казалось, что главное зло – местные жители. Чтобы их понять – надо здесь родиться. А если ты из большого города, врасти в местные реалии даже не мечтай. Невозможно, как привыкнуть к холоду и боли...

Да, было дело, бесило такое, например, явление. Лес, вполне обыкновенный, не слишком густой, только хвойных, по сравнению с Подмосковьем, больше. Идешь по тропинке к какому-нибудь облюбованному месту и вдруг замечаешь, во всей этой васнецовской былине, вещь совершенно неуместную. Тряпки какие-то, причем, в большинстве случаев, странные. Детские колготки, каковые не носят уже полвека, белье из обихода обоих полов, или могут лежать, раскинувшись, недешевые заокеанские штаны, даже не особо грязные. Глупых вопросов связи с этим возникает множество. Куда, спрашивается, пошли без штанов? И если непременно уже понадобилось их выбросить, то почему среди дикого леса? Как-то всегда начинает интересоваться личность прежних владельцев этого добра. Следствием чего, все-таки, явилась инсталляция? Обкурились до полусмерти? Расставались с постылым прошлым, шагая за соляным обозом в Москву? Неизвестно, но интригует.

Находили, говорят, в тайге первые серийные автомобили Форда, антикварную мебель, парходы едва не наполеоновских времен, корабли пришельцев, – чего здесь только не было. Но жила еще и лихомань... Так что бог с ними, с тряпками, пусть валяются.

В общем, на что-то подобное она и наступила, когда пыталась помыть руки. Вот такой небольшой песчаный пляжик, круто спускающийся к воде, вот – травяные кочки, а вот – эти тряпки, кучей наложены.

Когда руки наполовину отмылись, ее что-то удивило в этом странном соседстве. Просто мельком взглянула и позабыла обо всем. Тряпки были действительно дикие. Присутствовал такой полный набор одежды, даже с дорожной котомкой. Ткань застиранная и очень грубая. Непонятно даже, кому пришлось в голову пошить рубаху из такой мешковины. Но гвоздем программы была, конечно, обувь. Кто ее знает – постолы. Всплыло при взгляде такое название. Домодельные башмаки с завязками, поношенные, грязные, большие, на мужскую ногу. Просто

из скифского кургана – с металлическими нашивками, с загнутыми носами. Это ж фантазию нужно, чтоб такое стачать...

Подмывало заглянуть в сумку. Найдись там молодильные яблоки со скатертью самобранкой – удивления никакого. Их в сказках именно в таких емкостях и носят – грязных, клепанных, кустарно обшитых кожей. Что-то в этом было от конской упряжи.

Но когда взгляд добрался до крупного, затейливо оплетенного кожей лука, она усмехнулась и поднялась на ноги. «Добрались-таки и сюда!» Лук был добротный, выглядывал из потертого чехла. И штукой был такой, не из обихода доморощенного викинга. Прямо киношный реквизит для крупных планов. Потертый, состаренный, чтоб история ошущалась.

Людя блажного, с луками и без, в соседнюю деревню изрядно прибывалось. Искатели истины, адепты тайных знаний, говорившие порой исключительно на гиперборейском языке. Туристы их любили, местные побаивались. Они порой вели себя странно, принимались натужно проповедовать или сыпали проклятиями.

В общем, надо было уходить. Но едва она повернулась спиной, раздалось веселое и требовательное: «Хэй!». В общем, они и так могли начать беседу, в духе Сократа. С другого конца озера ей махал руками, должно быть, обладатель тряпок и лука. Стой, мол, не бойся. И уже плыл навстречу. Как-то неестественно быстро плыл. Нырять и стремительно выскакивая на поверхность, как морское животное. Разум отказывался воспринимать этот кадр как кусок реальности. Такой напор для крошечного озерца... Волны, раскидав кувшинки, лизнули нос кроссовка. Она отдернула ногу и сделала несколько шагов назад.

Потом бросила взгляд на вылезавшего и отвернулась. Карасевские жители в викингов и эльфов заигрывались. Помилуйте, какие плавки? Праотцы такого не знали... И, вот, чего действительно не хватало в событиях этого дня, так это поисков исторической правды.

– Прикройся хоть!

– Не... Харшо! – голос бодрый, ему вообще все нравится.

– Не простудись, милый.

– Ни хлад, – слова, вроде бы знакомые, звучали странно. Говорил он с сильным акцентом, жестко, и в нос, произнося согласные. Ну что ж, когда к ситуации «натуралист» прибавляется пункт «иностранец», заводится хотя бы надежда быстро отвязаться.

Но спустя мгновение ей стало не до этого. Мир опять плыл перед глазами. Казалось, это была краткая потеря сознания, когда побывав в небытии, разум возвращается и сталкивается с этим впечатлением сбавляющей обороты центрифуги. Удержаться на ногах в таких случаях не просто. Но ей, каким-то чудом, удалось. Надо было постоять спокойно, хотя бы пару мгновений, в темноте, чтобы не было этой круговерти... Закрыть лицо руками, плотно... В голове стоял знакомый зум, горло слиплось от противного вяжущего вкуса. «Господи, опять! Опять эта петрушка! Да провались оно все!»

Она подхватила этюдник и рванула вверх по склону. Но была с маху схвачена за рукав. Едва удержала равновесие.

Человек этот приблизился и навис. Именно навис. Роста он оказался высокого. И штаны уже успел надеть. Но цель свою – не пугать, упустил. Серая мешковина, перехваченная веревкой, напрягала больше, чем нагота. Можно такое носить? Вообще, кому это придет в голову? От него шел странный запах. Вот, бывает, приезжаешь в чужую страну, и, прежде всего, удивляет этот не сопоставимый ни с чем, незнакомый дух, ни противный, ни заманчивый. Просто чужой. Привыкаешь к нему со временем...

Незнакомец, меж тем, сгреб рукав в горсть, крепко, не вырвешь, и изрек, вроде оправдываясь:

– А ам адурья! Баяти са буди?

Голос у него был приятный, в словах ошущалась тень улыбки. Здорово бы тебя, золотой, не «баяти са». Только чего-то не получается.

Нет, ну чтобы отвязаться, там по-другому надо действовать! Настойчиво смотреть в глаза и говорить, убедительно, полагаясь в основном на интонацию. И она посмотрела...

Не то чтобы убедительно, но и даже вообще, говорить расхотелось. Не было слов. Этудик с грохотом свалился на землю. Она не обратила внимания. Нервно глотнула и прикрыла рот рукой.

Таких красивых лиц не видела никогда. Даже страшно рядом стоять. Что-то сверхчеловеческое, даже взвездное. Так предки представляли себе богов. Наверное... Или нет, ангелов. Как на иконе. Со всей этой беспримерной математической гармонией черт. Где все выверено и соразмерно. Плавные дуги золотых бровей перетекают в узкий, длинный нос, поддерживаются по стилю аскетическими скулами, и вся форма нисходит к короткой, густой бороде. Ух! Даже дух захватывает. Архитектура какая-то, а не биология! И в цвете бесподобно. Большие голубые глаза, нежный румянец, золотые волосы. Да, мокрые, растрепанные, накрученные в какие-то нелепые косы, но поразительно, иконописно элегантные.

Чудо какое-то! Будто нарисовано... Впрочем, были в образе и шероховатости. Да, ангел, но такой, как бы, падший. Понятно, в спешке было не до рубахи. И вот то, что не прикрыто, оно в музейные экспонаты не годилось. Совсем...

Этакая поеденная природой машина для житья, чем-то даже смахивающая на анатомические препараты. Жира там патологически не было. Такие насмерть высушенные тела можно наблюдать, разве что, у престарелых бодибилдеров. К тому же, все густо забито татуировками. По стилю – какое-то этно, причем очень высокой пробы. Неяркие, красноватые рисунки располагались преимущественно на ключевых точках тела, суставах, срединных и боковых линиях. Смотрелось красиво, и чувствовалась в этом единая система, не случайно и не в разброс они были нанесены. Тот, кто их набивал, знал, как подчеркнуть красоту сложения.

И там, вообще, имелось что подчеркнуть. Парень был высок и поразительно красиво сложен. Если «распустить» глаз, чтобы жил и мослов не замечать, к этой осанке крылья вполне бы подошли.

Рассматривать его было до невозможности любопытно. Открывались все новые детали, в русле логики какой-то нелюдской. Это, вот, косы до пояса, штуки три, наверное, нет четыре. Зачем? Царапины на боку, три длинных, абсолютно параллельных надреза. Кто это мог сделать? Когда вот так выпирают ключицы и даже мышечные волокна на груди и плечах – это какая-то болезнь?

Она не могла остановиться. Хотя было стыдно. Даже, наверное, опасно. Напоследок парень улыбнулся. Вполне искренне. Ожидая, должно быть, ответа. И опять напугал до смерти. У него был оскал шестилетнего. Знаете, когда зубы растут. И торчат, круглые и гладкие, из распухших десен, вылезши наполовину. У ребенка мило смотрится.

На вид ему было лет двадцать пять. Свежая кожа, блеск в глазах, густые волосы – все говорило о том, что он молод.

И красивый... Неизвестно как человек ощущает себя в подобном теле. Есть такое в кинематографе явление – лицо-талисман. Поразительной красоты статист, кочующий из фильма в фильм ради эффектного кадра (надо порой, в ключевой момент зрителя зажать). При каждом талантливом режиссере такие есть. Не знаешь, завидовать им или сочувствовать... И вот, интересно, откуда они берутся? Это ж какая-то уникальная генетика, древняя благородная кровь... А этот вот, в тайге откуда взялся? Прилетел? Низвергнут за грехи? Сбежал со съемочной площадки?

Она сделала шаг назад и дернула рукав.

– Отпустите! – незнакомец продолжал рассматривать и улыбаться.

– Вы из Карасева что ли?

Он оглянулся как-то быстро и воровато. Потом уставился вдаль, поверх ее головы. Было отчетливое ощущение, что мил человек заметил кого-то сзади, и даже делает тому знаки. Лицо

у него как-то вытянулось и поплыло, застыло на нем удивленное, даже потерянное выражение, угол рта под пушистым усом задергался. Оглянулась, не смогла удержаться – никого.

Помолчав некоторое время, ангел спросил как-то неожиданно и неуместно, очень отвлеченным спокойным голосом:

– Карасево аст цто?

Какой-то псих. Напоминал даже не чудаковатого иностранца, а натурального выходца из профильного интерната. И манеры, и вопросы, и оскал этот страшный, которым сменился подергивающийся ус. Он пытался быть обаятельным. Как это понимают сумасшедшие. И говор его очень неоднозначное впечатление производил.

Часто такой же наивной смелостью изъясняться на совершенно чуждом по строю языке, поражают китайцы. Даже уважать их начинаешь. Каковы наглецы! Слова все положенные человек старательно произносит, но ни ударения, ни интонация, ни темп в чужой ритм не попадают. Воспринимается как словесная каша. И только через время начинаешь улавливать в этом субстрате знакомые звуки. Привыкаешь со временем, как к гулению младенца, и начинаешь понимать, чего от тебя хотят, скорее интуитивно:

Бывает такое и у дизлаликов, когда человек просто выдает ряд слов на тему, не пытаясь их связать.

Ну ладно, положим иностранец. Надо верить в лучшее.

– Вы, вижу, не местный. Поляк, серб? – его акцент надвигал на мысли, о славянском происхождении. Откуда-то он из Европы, но не немец и не француз.

Он мотнул головой.

– Арья, – и протянул кисть лодочкой по направлению к ней.

Да, он – гипербореец... Тут в Карасево все, в той или иной степени, гиперборейцы. О чем она думала, в конце концов?

– Я не столь высокого происхождения, но из стольного града.

С головой там нелады, оказывается, в другом направлении. Такой он у себя северный бог. Индра, любитель сомы...

– Сар, – к расписанной татуировками груди был официально приставлен палец. Острый, корявый, с изящным светлым ногтем. И она даже не успела уследить, как штука эта прилетела к застежке ее куртки.

– Ты?

Ангел двигался неуловимо быстро. Так во сне бывает. Видишь какой-нибудь страх на горизонте, и вдруг, бац! – прямо перед носом. Может снится? Она отпрянула.

– Лина, – ничего не оставалось, как представится. Но не надо было. Нельзя с придурками всерьез заговаривать.

Ангел склонил голову набок. И вдруг неожиданно выпалил.

– Позволь спросить, – он посерьезнел и немного оскалил зубы, – Ты видишь здесь кого-то кроме меня?

Фразы он начал стоять иначе, даже акцент почти пропал. Господи, да он еще и прикалывается! Играл, что ли, в иностранца? Зачем?

Она сделала несколько шагов назад и проронила чуть слышно:

– А должна? – навалился нешуточный страх. Много здесь было неловкого и непонятного. От чего хотелось бежать.

– Тогда почему ты обращаешься ко мне, как многим? – голос его ушел в высокие скандальные ноты. Чем-то он был возмущен.

Но заметив, что отодвигаются, напор ослабил. Сделал непроницаемое лицо и щелкнул пальцами,

– И это... как там... стольный град – это что?

Ноги жили сами по себе. Шаг назад, еще один. Надо оглянуться. Тропа там за спиной. Не оступиться бы...

Да, он, конечно, ждал, что ему будут объяснять, что такое стольный град. У него были какие-то свои планы... Но ангел этот – не актер, не сектант и не блаженный карасевец. И не сумасшедший...

Ноги получили-таки свободу. Мигом сорвало с места и понесло вверх по склону.

Сар. Мета первая

Аса... Принесшая себя в жертву... Теперь понял, как это приходит.

Дикая песня... О том, что другой важнее. Потому что любишь. Уверен в величайшей ценности... Не можешь иначе.

Скажите, радость людям в любви? Говорите...

Но от нее умирают и не жалеют о том ни мгновенья. Теперь ты, Аса, не будешь меня судить. Отомстила...

Да, подобно тебе, готов бросить к ее ногам весь мир! Эту ревущую громаду. И хохотать среди звона осколков. Жизни... Смерти... Что они? И будто поешь колыбельную, с невыразимой нежностью.

Все вы мне отомстили... Над кем смеялся, не слыша робкого стука сердец, чьи судьбы ломал и гнул не задумываясь...

Жесток был. Мнил себя небесным певцом. Избранным... К которому должно приходиться все, что ни пожелает.

И вот итог.

Роковая чаша с темным питьем. За ней – небытие.

Кромешная мгла, тишина, как в меховом покрове. Смешно было в детстве прятаться под ним. Звуки приходили и уходили по мановению руки.

В этом ра не бывает так тихо. Заснув, будто выходишь в соседнюю клетку, во всем сомне шумов и света. Часто обретаешь себя на берегу Кунды. Она такая же, как всегда, в чаше зелени и ветвей, с той же музыкой воды по черным валунам, с теми же ослепительными бликами света. Не вдруг поймешь, что это – звонкая ласка солнца или врата. Они всегда являются неожиданно. Больно их ощущать. Будто падают серебряные пластины.

Собраться на них – искусство. Особенно тяжело это тем, кто живет в волнах звука. Врата не безмолвны. И нетерпимо звонкий, тонкий этот свист заставляет терять себя. Не всегда успеваешь уследить их приход. Музыка чуждого мира... Она врывается резко, с маху уносит, как шумный поток.

Тяжек он ушам, но невыразимо прекрасен... звук разверзшейся Вселенной.

Ее приход – как удивленный вскрик. Стоит в воде по колено. Сам-друг, перед лицом! Так являются призраки.

Нагая. Прекрасная телом, как вайшские жены. Каждая линия – словно след воды, словно тихая песня в вечернем лесу... В ней жил и мерцал лунный свет. Белая кожа, темные волосы. Бывают такие, оказывается, рожденные не краской и резцом...

Смотрит доверчиво, как теленок лани. Существо столь прекрасное, что не мыслишь целиться, в голову не идет... Тонкие черты, четкие окружья бровей, непроницаемая глубина глаз, широкая, как бездна, без блеска, без бликов... Красота сродни птичьей песне. Когда непредсказуем и сладок каждый звук. Услышишь и воскликнешь: «Давай! Дери свое маленькое горло и научи быть счастливым!» Так они кричат на рассвете...

Пришедшая ничего не прятала. Не показывала себя. Просто стояла рядом. Протяни руку – дотронешься.

Призрак? Сладкое виденье. Когда ты молод, когда по спине шурша колеблются волосы, когда ощущаешь нагим животом тепло ее тела... В глазах темно. Все плывет в тяжком стуке сердца...

Он должен стать первым. Первым из тех, кто приведет ее к гибели. Судьба воина – убивать... В гневе и с холодным сердцем, с наслаждением и без...

Но... Сейчас пришло то, о чем молят богов. Жена-свет. Великанша, за которой стоят силы нездешние.

И маленький мир, бесконечно умильный. Умещающийся в руках... Теплая кожа, тонкий звук дыхания, шелк волос, нежные влажные губы. Ничего в жизни не помнил слаще того поцелуя.

Реальность вернулась в отрывистых звуках. Смех... Воины привычно скалятся друг над другом. Их шестеро было в клетки. Крепких молодых мужчин, с которыми бывало по утрам то, что творилось сейчас с ним.

«Что хороша?»

Он не понимал. Поднялся и с минуту стоял шатаясь. С удивлением оглаживая мокрые щеки. Ра странное порой творит с человеком.

Нужна, очень нужна была, колкая влага земли под ногами и плети ветвей. Он растолкал стоящих на пути и вылетел на лестницу. Знал уже, что не вернется...

Лина. Обстоятельство четвертое

Не понятно, как это произошло. Мир дернулся и полетел в сторону. Пестрая круговерть из листьев, веток, травы. Шум, треск падения. Потом тишина...

Через время обстановка осозналась. Но оглядеться мешали стебли. Бурные, мясистые, по макушку просто. Мамонтова трава... Много здесь такого бурьяна росло. Войлок! Никому в голову не придет в нем бродить и уж, тем более, валяться...

А вот ей пришло... Бежала, дерево не заметила, да и въехала с размаху. Дерево? Не заметила? Она? Выросшая в большом городе, где от всего приходится уворачиваться...

Удивительно было ощущать себя лежащей. Глупо и больно. Болел бок, болели локти. И там, если рукава засучить, не только ушибы, черт, ссадины... Режет и кровь... Как получилось?

Бывает в странных, даже опасных обстоятельствах отвлекаешься на мелочи. И порой это роковой промах.

Тело дернулось и собралось в ком. Само, без участия разума, утонувшего в судьбе локтей. Так во сне только бывает. Крупно, всем телом, дергаешься и просыпаешься. Древний рефлекс. Как у ежа, норовящего уколоть.

Прямо перед ней, в бурьяне виднелась мешковина, огромная босая ступня и покачивающийся этюдник.

Передернуло во второй раз. Взгляд медленно пополз вверх. Когда дошло до пункта «голова», пришлось зажмуриться и замотать головой. Чертов манекен, все-таки!

Ангел спокойно присутствовал рядом. Нависал. Иконописный лик виднелся в перспективе. Ее разглядывали, наклонив голову. Без эмоций и любопытства. Держали паузу...

Но, вот, все-таки... Выписать дикий вензель по круче, по кустам, вокруг единственной тропинки... Или, может, почудилось? Прямо как в дурных китайских боевиках, когда некто в летящих одеждах переносится за три версты в одно мгновение. Ну, несомненно, бегаем мы быстро. Босой, по острым веткам? И короб этот... Он всегда за все цепляется...

Взгляд залип на мерном покачивании этюдника. Захотелось отодвинуться, еще хотя бы немного. Но некуда. Обрыв. Спина эта пустота ощущается, даже в траве и кустах.

– Ты забыла, – ангел положил этюдник в траву.

Потом шагнул вперед и вытянул руку, может, хотел помочь. И вот этого не надо было делать. Замотав головой и руками, нет, мол, стойте там, где стояли, она быстро, местами на четвереньках, местами ползком, метнулась обратно к тропе. Даже не ожидала от себя. Этакая спорая легкость в членах. Как у бездомной собаки. И хромает вроде, и особо не спешит, а хрен поймаешь. Включилась программа «попытка к бегству номер два». С учетом всех промахов. И бог с ним, с этюдником. Ноги сами собой, незаметно и стремительно, несли к цели. Так шустро, что, кажется, будто летишь. Дома уже там, за кустами...

Но необъяснимо и пугающе обороты начали спадать. Потихоньку. Ноги ленились, словно по колено в воде. И вот уже обнаруживается неспешный шаг и размышления: «А не остановиться ли?» И остановилась, и обернулась.

Ангел позы не поменял. Так и стол лицом к обрыву, ссутулившись и понутив голову. На его, застывшем каменной маской лице, был, не объяснишь, оттенок, какой-то невыразимой горечи. Как бывает у смертельно обиженных людей.

Разрывало на части. Одна вопила и сыпала руганью, вторая находилась в тупике. Больно ей было на этого пришельца смотреть.

Но тут тело опять дернулось и отнесло на пару шагов назад. Ангел резко развернулся и почти закричал:

– Куда ты все время бежишь? – он всплеснул руками. Ничего не понимал. Оскалился, сморщил нос. Глаза бешенные. Но не страшно. Смешно очень. Она прыснула и зажала рот ладонями. Слишком резкие, нечеловечески правильные, черты производили впечатление грима. Вульгарного, из самодеятельного спектакля, когда густо наводят жестокие брови и челюсти.

Она сделала серьезные глаза, не отнимая ладоней. Но ангела понесло. Он был рассержен, даже взбешен. Разговор перешел на высокие ноты:

– Я страшный? Делаю что-то не так? Ответь!

Еще пара шагов назад. Отчаянные мотания головой и руками. Мол, не беспокойся, все в порядке. Драм всех этих не хотелось. Да она попросту не знала, что сказать. Не ожидала такого. После бесконечно длящейся паузы, было, наконец, выдавлено хрипло и не своим голосом:

– Зачем вы за мной бежали?

– Надо было тебя остановить, – злиться он престал, но не расслабился. Холодно сверкал глазами. Лицо у него было на удивление выразительным. Черты быстро и неуловимо менялись, обнаруживая все мысли и намерения. Такое можно наблюдать у совсем маленьких детей, лет двух-трех. Когда человек еще не примерил защитную маску. Это было приятное впечатление. Красивые лица редко бывают живыми и подвижными.

И, похоже, парень не ощущал своей красоты. Страх оскорбить неуместной гримасой божественные формы, очень чувствительный для всех красавцев, здесь отсутствовал вовсе.

Он виновато улыбнулся и добавил:

– Ты бы далеко могла уйти, заблудилась...

Опять какую-то пургу несет. Заблудилась... Может это такой российский амиш, которому устав запрещает даже подтяжки и шляпу? Эти теряются порой во времени и пространстве. Нет, ну он гипербореец, ты забыла...

– Вы не в курсе, наверное, тут рядом есть деревня.

Ангел поднял брови.

– Скажи, как попросить, чтобы ты объяснила, почему видишь несколько тел? Ведь сейчас я – целое! Он во мне!

Страшно подмывало спросить: «Кто – он?» Но, в таком случае, беседа грозила затянуться. Стали бы объяснять. И выяснилось, что там все, как у большинства шизофреников. Воображаемый друг, либо двойник. И его, может даже, как-то зовут и характером он обладает сложным... Много она такой литературы прочитала, пока разбиралась в своем случае.

– Извини, Сар, мне пора. Устала, домой хочу.

Нахмурился, взглянул искоса.

– Глупость делаешь. Нет никакой деревни. Здесь леса на много переходов.

Она кивнула и направилась по тропинке к коттеджам.

– Не уходи далеко! – звучало уже вслед и сознания почти не касалось. У парня был звонкий, сильный голос. Не многие обладают таким, когда каждое слово ласкает слух, перекачивается в памяти как крупная жемчужина...

Все это вертелось в голове, но больше всего на свете, хотелось скучных, обыкновенных лиц и обстоятельств.

Вот сейчас должно мелькнуть! Тот самый дом на окраине. Но вокруг – деревья. Вполне первозданные, поросшие мхом. Под ноги стелятся узкие, полузаросшие тропы. Пару-тройку раз она убеждала себя, что пошла не туда, опять что-то перепутала. Возвращалась к исходной точке и проделывала еще один бессмысленный и пугающий путь. Упрямства хватило ненадолго.

С трудом подавляя кипевшую в голове панику, она ловила себя на версиях уже откровенно диких. Да, конечно, наслышана о перемещениях во времени и пространстве. И, да, от участи этой никто не застрахован. И, да, обитали здесь по слухам какие-то тайные жители. И орали, наверное, они... Но, черт побери, это какая-то желтая пресса! Фиолетовый туман должен быть, как во всех этих статьях описано! А тут ничего! Есть этот чертов Сар, есть озеро. И вокруг него начисто отсутствуют все еще с утра существовавшие постройки... Была еще версия, что Сар – колдун и ее загипнотизировал...

Но мысли такие – они поверхность, иллюзия рассудка, под ними, клокотало безумие. Холод, дрожь, дурнота. Огромного труда стоит подавить тысячу беспорядочных позывов к движению. В реале же стоишь с глупым видом, вертишься во все стороны и ни на чем не можешь сфокусировать взгляд.

Сар! Это был выход. Единственное живое существо в этом кошмаре. Господи, только бы не ушел! «Леса на много переходов...» Этот в курсе... Надо ловить и вытрясать!

К счастью, хватило ума далеко не ходить. Вон он, просвет между деревьями и озеро... Но ловить и вытрясать... Это смешно может получиться с падшим ангелом. Публика такая глаголет ровно то, что считает нужным, не более...

Угораздило же... Она присела на корягу. Улыбнулась, покачивая головой. Кому рассказать – не поверят. Были в жизни и похуже обстоятельства. Но чтоб вот так...

Впрочем, она знала, секрет этого нежданного спокойствия. Водилось за ней такое. У любого заполошного человека бывают в тревоге точки останова, наверное, чтоб с ума не сошел. Короткое замыкание... Чтобы там ни творилось вокруг – сидит, улыбается, на душе спокойно... Бабочки в животе...

Хоть мир рухнул, хоть тигр на него прыгни – устал бояться. Тоже, по сути, псих. Ущербная генетика... В природе такие не выживают. А вот цивилизация их щадит... За вполне самоубийственными тормозами часто приходит озарение. Человек вдруг остро ощущает красоту природы, понимает новую закономерность бытия, видит ослепительный художественный образ. И надо, чтоб он выжил, и об увиденном рассказал...

Ангел... Вот какой он... Нарочно не придумаешь. Не бывает просто подобного замеса форм и смыслов. И голос... Волшебный... Это он, наверное, не сразу может со своего небесного на человеческий перейти. Прямо все как у нас... Говорить без акцента начинаешь, только с привычки думать на языке. У них, наверное, быстрее...

Она была благодарна себе за эти минуты. Приятно впасть в детство. Размышлять о природе вещей в рамках пятилетнего ума. Волшебники, сказки, феи... Иногда это надо.

В реальности она просто боялась возвращаться. Новый знакомец будил в ней те же болезненные ощущения, что и активный, чрезмерно брутальный старец с сединой, крашенной в

желтый цвет. Ну, не бывает такого в природе. Противно ей, чтобы возрасту не покорялись и вели себя как раковая клетка, неугомонная и бессмертная. Нечто в ее сознании примириться с существованием этого человека не могло. Занозой он был в мозгу. Вспомнишь – заболит... Страшный человек. Почему страшный – непонятно...

Красивый ведь... Этаким сухой, явленный в мистической экзальтации, отшлифованный веками лик.

Она качала головой улыбаясь. Тридцатилетняя дева в поисках смыслов...

Опасения разминуться с ангелом оказались напрасными – косвенно он в здешних местах присутствовал. Самого не видно, но котомка стояла. Уронив себя и этюдник на поваленный ствол, она не имела ни сил, ни желания двигаться, так и сидела, понуриив голову. На смену нелепым порывам пришла желчь.

Разглядывая, даже не винтажного, а какого-то археологического вида, ангелову поклажу, она не могла представить, о чем можно говорить с ее владельцем. Это какой-то восставший из кургана печенег, кто его знает.

– Ну и? – нежданно прозвенело над ухом.

Ее передернуло. С трудом заставила себя поднять глаза и опять непроизвольно мотнула головой. Невыносимо...

– Пойдем!

И опять началось это пугающее вторжение. Когда человек делает с тобой нечто, а ты просто не успеваешь уследить. Непонятно, пугает больше или бесит. И отбиться нельзя. Не успеваешь...

Сперва рука заболела. Потом тело испугалось ощущения полета. Это она уже бежит, отчаянно перебирая ногами. Ринули вверх, потащили, сцапав руку как клещами. И понималось все задним числом... Как в дурном сне!

Ангел стремительно несся сквозь кусты. Ветки, высокая трава, соломенные косы... Все мелькало в бешеном ритме. Успевай только уворачиваться. Желчь как рукой сняло. Тут бы выжить.

Но когда с вершины холма открылись окрестности – забылось все. Озеро лежало в чаше пологих холмов, в самой низине. При виде этой величественной панорамы, не то что про досаду и усталость – как тебя зовут забудешь. Восторг! Бархатная, многоцветная зелень холмов, внизу, как драгоценная брошь, вода. И если, вот, так вертеться по кругу – сплошной зеленый горизонт. Непроходимая тайга, как ковер на весь зримый мир. Даже не понятно – сон это или явь.

– И где здесь дома? – Сар величественно покосился.

– В лесу есть. Наверное...

Пейзаж ничем не напоминал все виденное с холмов за деревней. Там были просеки, залысины полей, поселковые крыши.

– Жило – это очаг, а очаг – это дым.

Назидательный тон в ангельский образ попадал. Этакая коломенская верста из золота и слоновой кости, обернутая мешковиной. Архаически одет, архаически причесан. Должен, по законам жанра, сыпать ветхозаветными фразами...

Но лес, даже без этих самых «жил», он сводил с ума. Полное отсутствие логики и красота! Расслабляющая сердце, веселящая ум. Которой прощаешь все! Свежий ветер, проносющийся сквозь тело. Шум волнующихся исполинских деревьев...

– В святом месте стоишь. Это – Арьяна Ваэджо.

Что бы там ни было сказано, с величием тайги сравниться не могло. Не проникало в ум. Там безраздельно царил зеленый горизонт. Сар, меж тем, продолжал:

– Кунда – ее пуп, исполняет желания.

Кунда... И тут уже захотелось прислушаться. Вот, как он это произнес... С ударением на «у», немного в нос, так что сразу понятно, что слово родственно «кунать», «окунать». Позабавило, признаться. Такая игра в слова, с поисками новых смыслов, обычно под градусом начинается. Окутанное ватой сознание выдает порой удивительные перлы... Под градусом? Сейчас?

Ну, а почему бы и нет? Абсурд полный, вроде напилась... Это, наверное, название все же, иначе он бы сказал «озеро». И, на минутку, санскрит. Ну да, он же арья...

– Чего же ты желал?

Сар усмехнулся.

– И ты действительно хочешь знать?

Нет, ничего она такого не хотела. Домой надо было. Очень. Чтобы скучно, привычно и в голову не лезло неожиданное: «Господи. Это еще и родина Заратуштры...»

Опять тормозяк. Мозги устали от чудес. Она улыбалась, мирно шурилась и оглядывалась. На холме было хорошо. Остаться бы подольше...

Эйфория кончилась по ходу спуска. Накатил дикий утробный страх. Сердце билось как бешенное, дрожь она даже не пыталась унять. Просто надо было следить, чтобы тело, по возможности, не дергалось, и не подворачивались ступни. Она потирала плечи и нервно озиралась.

Вечерело, по траве начал стелиться туман. Обычно это была пора возвращения в жилище. Когда компания художников, побросав в углу этюдники, хвасталась добычей, пила чай и осознала себя некоей слитой общностью. Волки для того же воют на луну. А она вот здесь.

На берегу озера абсурд ситуации резанул по нервам со всей силы. Место было знакомое, исхоженное и писанное не раз... Она поняла, что больше не может всего этого переносить. Сейчас же должно кончиться! Как страшные сны. Надо мотать головой и собраться в ком. Сильно сжаться... И будет комната в коттедже, кровать, незаконченные этюды по стенам... Она села, привалилась к бревну и зажмурилась. Вот еще минута и сейчас!

– Ну и что скорчилась? За хворостом, сходи, – на спину легло теплое и мягкое, оглаживало... И чертов сон не уходил!

Нет, ну должен! Обязательно! Вот сейчас! Отодвинуться только от этого теплого, большого... Но не пускало. Навалилось, принялось трясти. Пришлось открыть глаза. И физиономия эта опять...

– Да отвали ты! – глаза щипало, щеки мокрые. Почему мокрые? Ведь не плачет... И не уходит, не уходит сон! Не оставаться же в этом кошмаре!

С паникой она справиться уже не могла. Будущие творцы еще в детстве демонстрируют такие срывы в садах-интернатах. Лишение привычной обстановки – апокалипсис. Ведь именно она – каркас этих хрупких мозгов. И с годами ситуация не меняется. Так же они ведут себя в тюрьмах, неизвестных пугающих местах и мучительных отношениях. Истерят, полностью себя теряют. Считается это слабостью природы и откидывает человека в самые низы стадной иерархии. Но вся ирония жизни в том, что существа с характером более твердым, получающие при виде вопящего неврастеника приятный массаж самооценки, в культуру особых ценностей не привносятся...

То, что с ней творилось, было гранью обморока. Все звуки, запахи, прикосновения казались пронзительно резкими. Мир виделся не целым, а серией почти не связанных между собой эпизодов с какими-то неправдоподобно четкими подробностями, которые намертво врезаются в память. На мгновение отвлекла боль. Что-то впилося в лодыжку. Еле сбросила. Даже кричать не могла, так испугалась. Зеленое, небольшое – зверек, или какой-то кудрявый кустик. Будучи сброшено с брючины, фыркнуло, секунду призадумалось и легонько, этакой иноходью, поскакало прочь. Больше всего напоминало брокколи, выпустившую лапки для удобства передвижения.

– Экая штука редкая! – послышалось над ухом, – это ж баранец! Не думал, что они могли где-то выжить!

Последнее, что помнилось – Сар, устремившийся за существом. Пытался его поймать, наверно. Выглядел глупо. Кот, охотящийся за лягушкой... Но куда ему зеленую поймать...

Что-то внутри отметило, что творящееся – реальность и теперь это навсегда...

Она закрыла лицо руками и заорала что есть сил. Скорчившись, царапая кожу на щеках, повалилась в траву.

Глам. Мета четвертая

Кто знает, какова любовь богинь, в тайне предпочитает ее избегнуть. Они ходят на драгоценный подарок, который негде хранить. Только их красота оправдывает все, заставляет закрывать глаза на противоестественность связи.

Да, Ратна была той самой небесной странницей, найденной в пыли, положенной за пазуху, и беспощадно ранящей живот и ткань рубахи острыми как лезвие краями. Такие следует хранить в ларцах с защитными янтрами...

День рядом с ней родился из ночи. Держа в объятьях этот хрупкий мир, он испытывал странные, незнакомые чувства.

В нежной, гибкой телесности Ратны было много от ребенка. Невысокого роста, волосы коротко острижены, как обычно у жриц-сайби. Трогательно... Как семилетнее дитя на грани выбора варны.

Он не зачал жизни. Ни одной. Знал об этом и делал намеренно. Порой воины поощряли такое. Но тело... Оно негромко шептало о своем. Однажды застал себя носящим ее по клетки. Укачивал, завернув в одеяло. Испугался. Слишком многое из телесных стремлений приходится забывать ради пути.

Но отцом он был... Всем, кого втянул суровый мир воинов. Они приходили в кром стриженными, в знак обретения нового пути, потерянными, слишком маленькими и беспомощными. Семи лет от роду. Им нужна была рука на голове и доброе слово. «Отче» – так они обращались и обращаются. Но это «отче» звучит как «исвара».

Был, правда, человек, называвший отцом без оттенка «господин». Мальчик, за которым стояла смерть. Яркий, сильный, избранный... Надежда для свода, для всех арийских вежд... Прирос к сердцу. И украл то, что крадут дети в жажде воплощения. Зерно жизни.

Десирад по прозвищу Сар... И не только по прозвищу. Сар, каких поискать. Вещий...

Жалею, что отдал ему зерно, но свершенье для воина – единственно возможный ход событий. Не ведаешь на этом пути, что многого в жизни стоит избегнуть. Не начинать и не задумываться даже...

Днем Ратна горела, как солнце. Едва возможно угнаться. Когда силы оставляли, вспоминался лунный свет, она, спящая. И все забывалось. И страх, и восторг. Пропадали сомненья... Только эта прекрасная мечта в руках. Мечта о несбывшемся, о невозможном...

«...Ты найдешь утраченное в грядущем...» Аватар-мета жила без малого пять тысяч лет тому вперед. Древняя машина сошла с ума, выбрав для служения чужака. Это была женщина, подходящая сутью на Ратну, но на Ратну из мира демонов...

Поисковая сеть жрицы беспримерно мелкая и подробная. Взглянул – едва не одолело забытье. Так бывает перед лицом непосильного испытания Нити уходили за временной предел на тысячелетия. Какую же мощь должно вмещать в себе это хрупкое тело?! Тогда он впервые испугался. И этой женщины, и пропасти, куда она толкала.. Задумался о побеге. Пусть все идет, как заповедано. Надо готовить вежду к исходу...

Ратна мгновенно поймала настрой, и произошел разговор взглядов. Она ни к чему не принуждала, не давила и не пыталась обмануть, просто предлагала возможность... Единственную... Исход был тяжким испытанием и, в половине случаев, заканчивался неудачей.

В деланиях переноса из грядущего воину со жрецом не сравниться. Пришлось прибегнуть к силе братства. Деяние поддержали те, кого называют сары. Воины с сильным жреческим зерном. Взглянув на иного, не вдруг поймешь – нара или нараяна. В кроме их было шестеро. Совсем юные. Но мета сара видна уже с рождения. Они не спрашивали ни о чем, просто отдали, что требовалось. И с той поры стали единым комом силы. Многоглавым уродом из тех, что срastaются в утробе, и обречены на дикую смесь отчаяния и удовольствия от близости друг друга.

Пока не попробуешь, не можешь себе представить, сколь многое приходится отдавать тому, кого считаешь отчасти собой. Особенно, если он твое подобие. И вместе с силой дана ему свобода. Свобода быть странным, несуразным, страшным порой в своем принципе.

Десирад был одним из шести. И он предал меня. Предал дважды.

И первый раз я не отважился его судить. Стоит идти против природы? Ратна была из тех, кто не успокоится в объятьях одного мужчины. Что странного, в том, что следующим выбрали его – юного, красивого как бог, владеющего волшебным голосом гандхарва?

Он мог и не пойти вслед за ней. Ведь видел и понимал все. Но родовая связь делает глухим и слепым к страданиям старших. Так человек принужден выживать в недрах этой дживы...

Второй раз... Мне ли его судить? Он – моя молодость. Та же буйная, больная душа. В поисках смысла, своего места под солнцем...

Меня, будь я тех же лет, начатое напугало бы, отвратило... Нет в том правды и милосердия. Жестоко, как сама жизнь, дающая шанс сильному за счет слабых...

Юному не по силам принять и благословить зверство бытия. Рвется и бунтует, даже с риском погибнуть, стать тем самым загнивающим членом, который стоит отрубить, чтобы выжило целое.

Но больно это и страшно – резать собственную плоть...

Лина. Обстоятельство пятое

Тяжесть... Болят бока, руки, голова. Челюсти сводит. Во рту противный кислый вкус. Дышать невозможно. Это страшное навалилось всем весом. Ни вывернуться, ни даже дернуться...

Глаза разлепить... Трудно дается, но надо. Первое – удивленный взвизг. Просто не смогла удержаться. Испугалась очень. Лапы. Прямо у лица. Красные, корявые. Одна давит на лоб. Больно – череп едва не хрустит, другая сжимает скулы, в двух болезненных точках, чуть ниже уха. Когда надавишь случайно, щеку подперев – появляется эта самая боль в сведенном подбородке и кислота во рту.

Меж лап – сосредоточенная ангельская физиономия. Запах пота, свисающие растрепанные косы. Оскалился, даже кончик языка высунул между зубами. Погружен в процесс и уверен в результатах. Знает, то есть, что делает.

И все предвидел. Что будут дергаться, вырываться. Сидел на ней, плотно обхватив ногами бока. Очень сильный и тяжелый. Руки притиснул к туловищу. Не двинешься. И болит все, как в клещах.

Вместо ругани получалось мычанье. И сознание вернулось, прояснилось вполне. Возмущение и злость, они, как раз – последствия включения мозгов. Пока не работают – страх... Такого утробного ужаса, как здесь, когда уже само тело паникует, трясется, рвется куда-то нелепо – не доводилось испытывать. Просто не хозяин уже этому напуганному зверю.

Что очнулись и злятся, ангел мигом просек. Хватку ослабил, откинулся назад, но не слез. Сделал странный жест. Встряхнул руки, будто хотел, чтобы сошла вода или грязь. Пас был из целительского, или даже, врачебного обихода.

– Извини, думал ты сильная, – он сделал неопределенный жест у головы, – держишься, самоуверенно.

Ребра болели невыносимо. Тяжелый, сволочь. Странно тяжелый для такого сложения. К тому же, вставать не собирался. Наклонился, провел рукой по волосам. Приблизился. На лице, застывшем каменной маской выражение сумасшедшее. Глаза распахнуты, ноздри дрожат. Черт его знает, то ли принохивается, то ли в горло сейчас вцепится. Она отвернулась, дернулась изо всех сил и простонала:

– Да слезь ты уже! Больно!

Он легко поднялся. Будучи крупным человеком, Сар был на редкость ловок в движениях. Мягко и быстро, как ртуть.

Руки занемели совсем. На боках, должно быть, уже наливались синяки. Вид будет веселенький через пару дней. Что врать-то? Соседям... Какие соседи?

Действиям ангела она не удивлялась. Вот, другой это сделай – и ругаться, и драться бы полезла. Но в ангеле было странно все. Какой диагноз непонятно, но видно – не здоров человек. Однако реакцию на ее поведение проявил вполне стандартную. Производила она впечатление этакое самоуглабленного флегматика, и никто не беспокоился насчет неожиданных взрывков.

– Ты, должно быть, разочарован?

Сар отмахнулся:

– Сейчас тут веселье начнется... Мало не покажется!

У него был вид собаки, взявшей след. Глаза стеклянные, ноздри дрожат. Сеттер в стойке. Даже руку к груди подтянул, чтобы уж совсем один в один. Наконец отвлекся, мотнул головой и бросил:

– Шевели концами, вставай!

Видя, что не спешат, схватил за шиворот и поднял рывком.

– Кому говорю! Хворост собирай и в яму вали! – иконописный лик отлился в совершенно собачий, под усом блеснул клык. Не подчинись – верно заработала бы оплеуху. Испугаться не успела. Мигом отнесло на десяток шагов. Тело, оно свое дело знало...

Но собранный в суматохе хворост в руках не удержался. Посыпался. На Сара было страшно смотреть. Высокий жилистый парень, изо всех людских типажей более всего напоминавший спецназовца, отчетливо паниковал. Двигался очень быстро, просто метался. Охапки веток жужжали, как снаряды. В яму их кидал. Порой промахивался. Но страх, он виден в тысяче мелких жестов. Оскальзывании, промахах, влажном блеске глаз. В манере этой поминутно оглядываться, дрожа ноздрями. Он боялся... Вот такой... Косая сажень в плечах...

Господи, что же это будет? Кошмар какой-то уж совсем...

Неожиданно накатили другие ощущения. О хворосте больше не вспомнилось. На грани слышимости родится шум и начал нарастать, стремительно, как приближающийся поезд. Гудело громко и странно, как в трансформаторной будке. Такой едкий, проникающий в самые мозги, звук... В воздухе ощущалось электричество, до того, что чудились искры, пробегающие в траве и между ветвей. Одежда и волосы чувствительно кололись током. Гул перерос в треск. Это ударило по нервам и заставило сжаться, застыть, спрятать лицо. К горлу подкатила тошнота. Она не помнила себя от ужаса.

– В яму, скорей! – рявкнули над ухом. Удар и полет вниз. Яма была глубокая. Непонятно откуда взявшаяся рытвина примерно в человеческий рост. Скорей всего, опавший карст. Здесь так бывает...

Что на этот раз уже точно сломает себе шею – уверенность была полная. Летела вниз головой. Благо хватило ума выставить вперед локти. Ветки спружинили, как батут. Ее отки-

нуло к стене и вовремя. Сверху валилось темное и тяжелое. Отчаянный треск, и ее утянуло под сучья. Дышать стало невозможно. Мало того, что на ней лежали всем весом, ее вдавливали в сучья, трамбовали на самое дно. И главное не видно ничего. Лицо накрыл войлок. Толстая мохнатая ткань. Складки бесконечные, из которых не выпутаться. Она мотала головой, отплевывалась и пыталась кричать. Но слышался хрип.

Наконец удалось высунуть нос. Страх немного отпустил. Неяркий свет угасающего дня сквозь массу сучьев, предметы какие-то угольными глыбами...

Потом родился звук. Сначала на грани слышимости. Похожий на радостный, полный рев трубы. Раскатистый, богатый, он радовал ухо, и даже казалось, что сейчас мелодию узнаешь... Потом стало не до этого. Сар навалился всем весом, стиснул, так что ребра хрустнули. На уши легли горячие влажные плиты. Окутало ватой, но звук он продолжался, только теперь поменял тембр и переродился в зловещий рев. Сейчас это был уже невыносимо резкий сигнал электрички. Бесконечно растянутый, свербящий ухо, Господи, да что же это? Ревет все громче, и вот уже та грань, когда звук вот-вот погаснет навсегда, разорвав перепонки. Страшный, почти неслышимый, ощущаемый как мелкая тряска, гул, от которого кипят мозги...

Темнота, дикий страх на грани жизни и смерти. Миллион нелепых вопросов, проносившихся в голове: «Что это? Что там вообще наверху? Бомба упала? Какой-то маньяк убивает звуком все живое? Почему эта боль? За что?»

Это была черта, когда сознание собирается в пульсирующую точку, и остается лишь вопль, полный ужаса. Тот самый, скрипящий, последний в жизни... Из реальности она выпала.

Вернуться заставила боль в ушах и челюстях. Сар собрал руки вокруг ее головы в кольцо и сжимал что есть силы. Ревело по-прежнему. Но чувствовалось – глохнет. То страшное, что перлось над ними через лес, удалялось. Гудя, треща сучьями, катилось куда-то вдаль. Сар снял хватку и немного приподнялся. Провел по щеке.

– Ты как?

Била дрожь. Собрать для слов скачущие челюсти – не смешите. Еще пару минут не получится. И, кстати, дрожь рождал не пережитый страх...

Холодно... Очень холодно. Мороз как зимой, градусов двадцать. Хватает за щеки, забирается под брюки, в рукава. Глаза слезятся...

– Сар, что это? Почему холод?

Смешок над ухом.

– Расслабься – уйдет.

Слышала такое, не от него первого, но не верила. Он норовил прикрыть ее собой, укутывал в ткань, складки подтыкал.

– Но холодно же! Неужели не мерзнешь?

– Спи лучше, – В нос ударил запах пряностей. Изысканный, тонкий аромат белого перца и корицы. До того, что явственно представился яблочный штрудель на ослепительно белой тарелке в кафе...

Это одеяло. Складки пахнут... Откуда оно взялось?

Над лицом нависло темное. Его ладонь. Станный жест, но не страшный, потому что тепло идет от руки и пахнет она нормально – давленной травой, землей, металлом...

Спокойно стало, сонно. Как-то вдруг, с пол-оборота. Дрожь улеглась, о холоде забылось. Куда-то он сам постепенно ушел...

Сар лежал теперь рядом, перекатившись на бок. Теплый, большой, слышно как сердце стучит. Как-то слишком медленно, глубоко и размеренно. Не по-людски...

Обнимать этого парня, было как тумбочку или полку с книгами... Слишком жесткий, слишком много острых углов, даже там, где им, по идее, быть не положено.... Стройный чело-

век, знаете, только издали красиво смотрится. Окажешься поблизости и поймешь, сколько там на самом деле костей...

Сар. Мета вторая

Огромное, все в сполохах ярчайших цветов – огненно-рыжих, беспримерно холодных, звенящих как лед, синих, теплых лиловых, очень редких... Такое поле – знак отмеченности. Только у жрецов оно простирается так далеко, поет столь пронзительными красками.

И ничтожный, слабый сосуд тела в плотной, лохматой шерсти донного слоя, отросшей вкривь и вкось.

Какая-то дичь... Это вот бывает, изгой растят скот на мясо. У зверья этого подобная же прителесная оболочка – покореженная, съеденная неволей, дырявая... Или у больных детей, совсем уж не жильцов, жертв выморочной родовой дживы...

Но чтоб у взрослой женщины! Из каких же адов она пришла?

Не ждал такого. Иного желал. Темноглазую богиню, не ведавшую о болезни никогда.

Пришло диво. Не знамо как живущее. Смесь блеска Вайкунтх и скотского ничтожества. Бывает такое? Не верю!

С великим трудом собрал себя на мире форм, и вырвалось невольно: «Прав ты, Сидраг! Как всегда прав...»

Женские существа в адах порой красивы. Но их прелесть – приманка перед хищной пастью. Удел таких – голод. Вечный, лютый, от которого не может отвлечь ничто. Ни долг, ни приязнь, ни любовь, ни желание блага своему потомству... Сидраг говорил – пришелица подобна им. Неизвестно, чего было больше в тех словах, отращения или острого, болезненного любопытства. Так порой хотят животных. Он не мог этого скрыть.

Не скрывали и другие. Слова и мысли братьев о предстоящем сопровождали ярчайшие рыжие всполохи, гудящие как пламя.

Древняя янтра жертвы, когда женщина отдает мужчине силу через страсть, собрала всех воедино. Но страсть невысказана без любви! А любовь это – жалость, нежность, робкая тишина... И преклонение перед жизнью...

Да, выродец я... Всегда таким был. Шел наперекор и хотел странного. И получал по полной... И оказывался прав! И сейчас тоже!

Когда увидел эту женщину – ощутил страшную боль. Судьбу ее уже предназначали. И ни разу не усомнились! Не задали себе ни единого вопроса!

Молодая, красивая, чудная в, этой своей, нелепой одежде – всего лишь вещь, чаша, которую не жалко разбить... Можно так? Ведь выморочный, больной, запуганный, но человек это! Жить хочет, мечтает, боится, вон! Боящимся есть что терять...

Это тонкое, прерывистое дыхание смертельно напуганного человека резануло по сердцу со всей силы. Будто ребенка замыслил убить...

Впрочем... Жизнь хранит аватаров-мет. И способна насладиться любой морок, чтоб сохранить. Да и женщины эти, подобные ей, знают как себя вести, чтоб на плаву остаться. Характер тверже стали, иному воину в упрек.

Знавал их. Самая первая такой была. Из колеи выбивают всегда. Глаз не оторвать.

Быть с пришлой этой демоницей рядом – будто пара крепких глотков сурьи. Темный влажный взгляд, страх, глупые вопросы, любопытство. Нежное гибкое тело. С такой человека в себе едва помнишь...

Но... Не думал, что это придет вновь... Оказывается нужно время. Много времени... Чтобы зазеленела трава, чтобы ворвался в окна с тонким свистом весенний сквозняк. И оно снова поселилось в сердце – умиление. Осторожное, бережное внимание к иному существу, к любому вздоху, движению, взгляду... Не спутаешь ни с чем. Так возвращается жизнь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.